

«ОТКРЫТИЕ РОССИИ» В СОЧИНЕНИЯХ
ИНОСТРАНЦЕВ XV – XVI вв.

Аннотация: Статья посвящена анализу «записок» о России западноевропейских авторов раннего Нового времени. Рассматриваются особенности сочинений иностранцев о России в контексте национальной и государственной принадлежности авторов записок, выделяются наиболее востребованные жанры сочинений в разные периоды XV – XVI в., а также главные тенденции в восприятии Русского государства и русской жизни западноевропейцами в XV – XVI вв. Главное внимание уделено изучению вопроса постепенного формирования в XV – XVI вв. на Западе Европы представления о Московском государстве как «неевропейской стране». Проанализированы причины этого явления. В статье дана характеристика содержания наиболее известных сочинений о Московии XV – XVI вв.

Ключевые слова: ««записки»» иностранцев XV – XVI вв., топонимы «Россия» и «Московия», концепт «Россия как неевропейская страна».

Об авторе: Черникова Татьяна Васильевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Всемировой и отечественной истории МГИМО МИД Российской Федерации, г. Москва, проспект Вернадского, 76. tchernikova1961@mail.ru

В Восточной Европе в XIII – XIV вв. в следствии монгольской экспансии возник новый полюс геополитической силы и мощного степного азиатского влияния – Золотая Орда. В орбите ордынского владычества почти на 250 лет оказались все северо-восточные русские княжества, что способствовало выпадению их из внимания западноевропейских хронистов. Для последних со второй половины XIII в. и до середины XV в. Русью являлись прежде всего те части восточнославянских православных земель, которые постепенно сконцентрировались под властью великого княжества Литовского. Это было полиэтническое и поли-конфессиональное федеративное государство. Большую часть его территории составили южно- и

западнорусские земли. Поэтому глава княжества по праву носил титул великого князя Литовского и Русского. Что касается остальных частей Руси, расположенных на востоке в Волго-Окском междуречье, то известный французский прорицатель Нострадамус именовал их «Тартарией» даже в XVI столетии. Это являлось, конечно, уже анахронизмом¹, но ярко отражало представления европейцев в отношении большей части Восточно-европейской равнины.

«Революция» в области западноевропейской политической географии случилась в конце XV в., когда появились первые описания Московии. Эта огромная по европейским меркам страна открылась для большинства государств Западной Европы совершенно неожиданно. Если у Миланского герцогства, судя по архиву Сфорца, уже в середине XV в. были отрывочные сведения о великом Московском княжестве, то в Священной Римской империи о другой, Московской Руси, узнали от путешествующего вельможи Николая Поппеля и это оказалось не меньшим субъективным открытием, чем Новый Свет.

Поскольку Русью привыкли называть владения великого княжества Литовского, за русским Северо-Востоком в западных источниках закрепилось название Московия. Интерес к Московскому государству времён Ивана III и Василия III подогревался как внешнеполитическими, часто иллюзорными, ожиданиями, так и поиском новых торговых контактов с восточными странами, которые в XV – XVI вв. ещё казались европейскому Западу эпицентрами роскоши и богатств². В течение второй половины XV – XVI вв. Святой престол строил планы Унии с московскими

¹ Уже один из первых западноевропейских авторов, оставивших «записки» о Московии XVв., Иоасафат Барбаро, правильно описал границы татарских владений, отметив, что на запад от Татарии находится Польша, а на север – Россия. [28: 215–216].

² Позже по мере успехов процесса модернизации в Раннее Новое время, эти оценки к концу XVII в. кардинально изменятся, и Азии превратится в сознании европейца в отсталую, невежественную окраину цивилизованного мира, в которую европейская колонизация признана привести прогресс.

«схизматиками» (как чаще всего называли приверженцев греческой веры). А западноевропейское научное знание, взяв мощный старт в эпоху Ренессанса, естественно воспринимало таинственную Московию как объект, требующий тщательного изучения.

В итоге «записки» западных европейцев о Московской Руси, появившиеся в конце XV – XVI вв., число которых постоянно возрастало в XVII – XVIII в., составили большой корпус исторических источников, причём говорящих не только о самой Московии-России³, но не в меньшей мере и о многих чертах западноевропейского мира. В чём ценность этого корпуса документов для реконструкции исторических реалий XV – XVI вв.?

Во-первых, через *взаимовосприятия* московской части Европы и остальной Европы, чьи представители удосужились описать Московию, исследователю открывается возможность изучения процесса *сосуществования* в Европе XV – XVI вв. двух разновременных цивилизаций – старой средневековой (Московская Русь) и новой, уже вступившей на путь модернизации (Западная Европа).

Во-вторых, выявляются не только цивилизационно разновременные аспекты их развития, но и *разные социокультурные системы России и западноевропейских государств*, что особенно важно, как для изучения внешнеполитических событий, так и для понимания внутренней жизни России. Её, так сказать, «чуждости», «непринятости» в «европейский мир» с точки зрения европейских интеллектуалов XV – XVI вв.

И, наконец, в-третьих, для общеевропейской истории тенденции в освещении российской жизни в записках

³ Новое название страны на греческий манер – «Россия» – появилось в связи со вступлением Ивана III в его второй брак с византийской царевной Софьей Палеолог. Однако до конца XVII в. название «Россия» употреблялось крайне редко и только по особым торжественным случаям с духовно-церковным контекстом. Взрывное вытеснение названием «Россия» старого именования страны «Русь» произошло в царствование Петра I (1682 – 1725).

иностранцев в XV – XVI вв. прекрасно иллюстрируют как «азиатская», с точки зрения западных авторов, Московия-Россия превращалась в общепринятую великую европейскую державу – Российскую империю.

Для исследователей самой России сочинения иностранцев облегчат понимание каким образом России избежала участи других крупных, и даже великих, и куда более богатых и населённых восточных средневековых государств, которые в Раннее Новое время двинулись в свой печальный путь превращения в объект колониальной экспансии Западной Европы. Россия же оказалась в стане колонизаторов, став в итоге уже к концу XVII в. крупнейшей по территории страной мира. Собственно, с момента своего возникновения во второй половине XV в. единое Московское государство начало развиваться как потенциальная империя, включившая в себя многие восточно-европейские, а позже и азиатские этносы. Русские первопроходцы открывали новые земли Северо-Западной Азии и приобщали их к России подобно тому, как западные конкистадоры, мореходы и купцы-авантюристы осваивали просторы Нового Света и Ост-Индии. В основе успеха русской экспансии на Восток лежало использование тех новшеств, прежде всего военных, которые были изобретены в модернизирующейся Западной Европе, но «московиты» их успешно освоили, оставаясь при этом верны и своему Средневековью, и своему редкому для Европы внутреннему вотчинному укладу.

Развития западноевропейского взгляда на Россию в Позднее Средневековье и Раннее Новое время

Исследование европейского восприятия России должно базироваться на изучении как можно более полного корпуса записок иностранцев о России. Сами ««записки»» понятие весьма условное, т.к. объединяет сочинения весьма разные по жанру, причинам появления на свет, объективности и информативности. В монографическом труде следовало бы идти от частных и особенностей отдельных

трудов иностранцев к выводам. Но рамки статьи слишком узки, чтобы вместить в себя подобный анализ. Поэтому мы пойдём от обобщений к частностям. Для начала стоит определить место записок иностранцев XV – XVI вв. среди общей массы подобного рода сочинений вплоть до конца XVIII в.

Анализ многочисленных сочинений иностранцев о России XV – XVIII вв. позволяет систематизировать их, разбив развитие западноевропейского взгляда на Россию на несколько характерных этапов. Если брать тенденцию в самых общих чертах, то следует выделить 4 таких этапа:

- «записки», где нет ещё стереотипа «азиатская (неевропейская), варварская (в смысле отсталая)» страна. Северо-Восточная и Северо-Западная (Новгородско-Псковская) Русь, а со второй половины XV в. Московия (единое Московское государство) представляется малоизвестной в Европе и «загадочно-таинственной». Такой образ содержат редкие свидетельства XV в.
- В XVI в. очень быстро стал оформляться стереотип Московии как страны «неевропейской и нецивилизованной». Такой взгляд присутствовал в подавляющем большинстве записок этого времени.
- В XVII в. прежний стереотип сохранялся, но во многих сочинениях наблюдалось куда более сложное и неоднозначное отношение западноевропейских авторов к русской жизни. Также резко возросло число записок и разнообразие их по жанру. В целом россияне и русская жизнь стали куда более понятными для западного наблюдателя, у многих авторов была нередка толерантность и даже дружелюбность.
- В XVIII в. Россия вступила в своё Раннее Новое время. Начали формироваться предпосылки модернизации страны, а европеизация образа жизни элиты и государственных институтов пошла необычайно быстро. Россия превращалась в великую европейскую

державу, под воздействием чего прежний стереотип воззрений на неё существенно деформировался. Хотя российский народ по-прежнему представляется как в целом «неевропейский», сама Россия с её европеизированным дворянством в сочинениях иностранцев воспринималась уже важной и неотъемлемой частью европейского мира.

Как мы видим, развитие взгляда европейцев на Россию напоминала параболу: от незнания и малого знания о России западноевропейские авторы пришли к выводу, что Россию нельзя считать частью «цивилизованного европейского мира» (XIV – XVI вв.), в XVII в. начался процесс «возвращения» России в Европу, который завершился в XVIII столетии. Это «возвращение» во многом объяснялось подвижками внутреннего развития Российского государства, общества и собственно человека в сторону модернизационных тенденций, родственных тем, что начались в Западной Европе, но на два столетия ранее.

Таким образом именно XV – XVI в. формирует начальный образ Московии в умах европейцев с чётко выраженной трансформацией стереотипа в сторону выдворения России за рамки европейского мира.

Особенности «записок» XV–XVI вв. в контексте национальной принадлежности авторов и жанра их сочинений

К настоящему моменту известно 35 сочинений XV–XVI вв., так или иначе затрагивающих Московскую Русь. Для сравнения в XVII в. было создано 148 сочинений о России [14:9]. Больше половины авторов XV – XVI вв. (18 человек) сами посетили Россию, остальных можно условно назвать «кабинетными учёными». Они собирали информацию из разных источников, начиная с уже опубликованных книг о Московии и личных расспросов вернувшихся из неё людей и завершая «коллекционированием» различных слухов. В XVII в. число авторов-очевидцев резко возрастёт, а число «кабинетных учёных» сократиться до 6 человек.

В самой России из общей массы западноевропейцев всегда чётко идентифицировали итальянцев, называя их «фрягами». Прочих иноземцев, прибывших из Западной Европы, именовали «немцами», не указывая из какой конкретно страны они прибыли. Из ближайших западных соседей, отдельным именем «поляков» и «литвинов» могли обобщённо назвать не только собственно представителей этих восточноевропейских народов, но и вообще выходцев из великого княжества Литовского, а с 1569 г. – Речи Посполитой.

Уместно поставить вопрос: влияла ли национальность автора на характер его отношения к России? Тверской историк П.Д. Малыгин, составивший библиографический перечень записок иностранцев о России XV – XVII вв., ввёл новую для отечественной науки характеристику – эмоциональной окраски сочинений. Математическим путём было подсчитано соотношение общего лексического состава к ярким эпитетам и оценкам, отражающим «восторг, презрение, страх». В итоге получилось, что «фряги» значительно превосходят по рейтингу эмоциональности «немцев», в старомосковском понимании того слова [13:4]. Среди жителей Священной Римской империи германской нации наиболее эмоциональны австрийцы. Ещё одно интересное наблюдение Малыгина – это то, что южане, переезжая в более северные европейские страны, остаются верны своей манере писать «от чувства». Малыгин приводит в пример ««записки»» Исаака Массы времён Смутного времени, итальянца по происхождению, но жителя Голландии. Мы бы добавили сюда ещё более яркий пример «польского итальянца» Александра Гванини, писавшего о Московии времён Ивана Грозного. Обратный пример – Альберт Компьенский, «итальянский голландец». Он хоть и «немец», но пишет эмоционально, как итальянцы.

По нашим наблюдениям стоит особо выделить ближайших соседей Московии и её заклятых внешнеполитических соперников. Практически всем польско-литовским, а также живущим в Речи Посполитой иностранным авторам

присуще враждебное и резко отрицательное отношение и к России в целом, и к отдельным сторонам её жизни. Причём, в наиболее концентрированном виде такое отношение зафиксировано в сочинениях «польского немца» Павла Оденборна и «польского итальянца» Александра Гванини.

Враждебность к России авторов, связанных с Польшей и Литвой, понятна. Она вытекает из острой конкуренции Москвы и Литвы за «всю Русь»⁴. Уже Иван III выставил литовской династии Гедиминовичей-Ягеллонов династические претензии Рюриковича на западно- и южно-русские земли, находящиеся с XIII – XIV вв. в составе Великого княжества Литовского. Со второй половины XV в. московская дипломатия постоянно называла эти православные регионы «своей вотчиной». В XV – XVII вв. Россия будет последовательно отвоёвывать у Литвы эти «свои вотчины», а завершит процесс в ходе трёх разделов Речи Посполитой 1772, 1793, 1795 гг., когда уже Российская империя включает в свой состав не только не отвоеванные в XV – XVII вв. белорусские земли и Правобережную Украину, но также саму Литву и вассальное Речи Посполитой герцогство Курляндию, чем завершит борьбу за «наследство Ливонского ордена». Неудивительно, что мемуары, созданные польскими авторами, польско-литовская публицистика и польская историография XVIII – XIX вв. будет негативно относиться к России.

⁴ Как известно, большая часть княжеств западной Полоцкой Руси, избежав монголо-татарского завоевания, утратила в борьбе с Орденом меченосцев и их преемником Ливонским орденом всё своё влияние в земле ливов. Ордынское давление с юга и крестоносная опасность с севера-запада привела западно-русские земли к тесному союзу, а потом и государственному объединению с победителями меченосцев литовцами, создавшими не без помощи западнорусского Новогрудка к середине XIII в. во времена Миндовга своё литовское княжество. Разгром Ольгердом Гедиминовичем ордынцев в битве у Синих вод в 1362 г. привёл к переходу фактически всей Южной Руси под власть великого князя Литовского и Русского и постепенному падению здесь зависимости от Золотой Орды. Таким образом 8 из 12 земель, на которые оказалась раздробленной Киевская Русь после 1132 г., оказались в Великом княжестве Литовском.

Менее понятна для нас позиция англичан в XVI в., «записки» которых содержат значительный пласт критических и отрицательных, часто субъективно-эмоциональных замечаний на предметы, которые другие выходцы из ренессансной Западной Европы, к примеру, итальянцы или голландцы, воспринимали нейтрально или даже скорее позитивно. Между тем положение именно английских купцов в Московии Ивана Грозного было исключительно выгодным⁵. Только англичане имели право на беспошлин-

⁵ Англичане появились в Московии благодаря неверному географическому представлению, которое занесли на Туманный Альбион итальянские купцы-авантюристы (купцы – первопроходцы, отправляющиеся в неизведанные земли). Согласно их расчётам, двигаясь Северным Ледовитым океаном можно было войти в устье большой реки, которая, имела исток далеко на юге в гипотетическом Китайском озере, на берегу которого находился город Ханбалык (он же по-китайски Даду, совр. Пекин), являвшийся во времена монгольского владычества столицей империи Юань. Доплыв до устья реки (предположительно ассоциированной с сибирской Обью) купцы-авантюристы рассчитывали попасть по ней в Китай, а из него и в Индию. В 1553 г. купцы-авантюристы во главе с итальянцем Себастьяном Каботом и английскими учёными Джоном Ди и Ричардом Хаклюйтом основали компанию *Mystery and Company of Merchant Adventurers for the Discovery of Regions, Dominions, Islands, and Places unknown* (дословно: «Тайна и компания купцов-авантюристов для открытия областей, доминионов, островов и неизвестных мест»). Весной того же года три её корабля «*Edward Bonaventure*», «*Bona Esperanza*» и «*Bona Confidentialia*» отправились искать северо-восточный путь в Китай. Экспедиции покровительствовал юный король Эдуард (1547 – 1553 гг.) и его лорд-канцлер Ричард Рич. Буря разлучила корабли и два судна пытались встать на зимовку в Лапландии, где их команды в буквальном смысле замёрзли и погибли. Самый большой корабль экспедиции «*Edward Bonaventure*» во главе с первым капитаном Ричардом Ченслором и вторым капитаном Климентом Адамсом вошёл в Белое море и нашёл устье Северной Двины. Путешественники узнали от местного населения, что этой рекой можно попасть не в Китай, а в Московию, куда вскоре и отправились по приглашению монарха «открытой» ими новой страны. После доброго приёма у царя Ивана IV и возвращения команды Ченслора на родину, прежняя компания «*Mystery and Company of Merchant Adventurers...*» была переименована в Лондонскую Московскую компанию, которая с успехом для себя и международной морской торговли России вела дела в течение всей второй половины XVI в. За любовь к англичанам думный дяк Андрей Щелкалов даже назвал Ивана Грозного сразу после его кончины «английским царём», попытался лишить британцев беспошлинной торговли, но вскоре вы-

ную торговлю по всей территории России, в то время как русские купцы, получившие от английской короны равносильные привилегии, в реальности ими не смогли воспользоваться. Прочие западноевропейские купцы – голландцы, французы и другие, ринувшиеся открытым британцами морским путём в Россию или торговавшие через захваченную в Ливонскую войну русскими Нарву – вынуждены были платить торговые пошлины.

Практически все видные деятели Лондонской Московской компании оставили записи о России. И, как уже говорилось, это были весьма критические описания, особенно на фоне сочинений фрязей. Большое дружелюбие и позитивность итальянцев могут быть объяснены тем, что фрязи ещё в XIV в. во времена процветания в Крыму генуэзских колоний, а в устье Дона венецианской Таны (Азова) имели устойчивые торговые контакты с «Ордынской Русью». Московия XV – XVI вв. не была для них той «*Terra Incognita*», коей она оказалась для «немцев». Особенно для немцев в прямом смысле, выходцев из Священной Римской империи германской нации.

Значительная толерантность нидерландских авторов, переросшая в XVII в. в хорошо читаемое дружелюбие, объяснялась успехами их коммерческой активности в России в XVI – XVII вв. и фактически союзническими связями России и Республики Соединённых провинций при первых Романовых. Отмеченные нами выше особенности носят в значительной степени условный характер и не исключают разночтений в трактовке образа России внутри каждой национальной группы источников.

По жанру сочинения иностранцев о России XV – XVI вв. можно разделить на три группы:

- отрывочные сведения о России, достаточно нейтральные и неполные, к которым можно в качестве

нужден был согласиться с восстановлением прежних прав Лондонской Московской компании, сторонником чего оказался шурин царя Фёдора Иоанновича (1584 – 1598 гг.) Борис Годунов.

некой «предыстории» дополнить ранние западноевропейские карты XIV – XV вв.;

- сочинения первой половины – середины XVI в., которые условно можно объединить под рубрикой «научные трактаты»;
- памфлеты второй половины XVI в.

Редкие сообщения о Московии середины – второй половины XV в.

Первые сочинения о таинственной Московии были написаны в середине-второй половине XV в. Это были весьма *отрывочные записи*, порой встроенные в контекст более широких повествований, выходящих за рамки описания только Московии. К таким сказаниям относятся документы из миланского архива Сфорца⁶; «Описание Московии» венецианца *Иосафата Барбаро*, помещенное им в «Путешествие в Тану»; труд венецианца *Амброджо Контарини* [1]. Наиболее ценными источниками из перечисленных выше являются сочинения Барбаро и Контарине.

Иосафат Барбаро

Иосафат Барбаро (Giosafat Barbaro (итал.), 1413 – 1494 гг.) происходил из знатной венецианской фамилии, из которой вышли не только предприимчивые купцы-авантюристы, но и умелые военачальники, духовные лица, дипломаты, деятели культуры. Сам Иосафат в 1436 г. отправился с торгово-дипломатической миссией на Восток и пробыл около 16 лет в венецианской колонии Тане и в Тебризу⁷. Как посол Венецианской республики в 1469 г. он посетил Далмацию и Албанию и в 147–1479 гг. вновь Персию. Внимание Венеции к Персии объяснялось не только тор-

⁶ Записка 1450 г. о границах Руси, три письма о московском посольстве в Милан 1461 г., документы о московском посольстве 1463 г., информация о Московии, записанная миланцами со слов русского посла грека Георга Перкамота в 1486 г. [24].

⁷ Западная Персия.

говыми интересами, но и тем, что Персия, как и Венеция, была враждебна османской экспансии. Очевидно, Барбаро побывал в России дважды где-то между 1436 – 1452 гг. и в 1479 г.

Сочинение Барбаро рассказывает в первую очередь о Тане и Тебризе, но есть и сюжеты из жизни Московии. Они не связаны непосредственно с предыдущим повествованием. Е.Ч. Скрижинская [1], выполнившая современный перевод записок Барбаро на русский язык, отметила, что заметки о России у Барбаро в противоположность предыдущему тексту выполнены как беглые записи (§ 52). Скрижинская предположила, что автор основывался на устных рассказах других людей, что говорит в пользу версии, что сам Барбаро в России не был. Ещё один аргумент – неправильный перевод у Барбаро названия Новгород («Девять замков») в отличие от всегда правильных, как подчёркивает Скрижинская, переводов названий с персидского, монгольского и тюркских языков, знакомых венецианцу. С последним можно поспорить. Барбаро отлично понял слово «город», т.е. укреплённое поселение, поэтому и перевёл его как крепость или замок. А вот «нов» очень близок по звучанию к итальянскому слову «нове» (noue), означавшему «девять».

На наш взгляд, итальянские историки Николо ди Лена и Артуро Кронья, авторы исследований о Барбаро, убедительно доказали факт бесспорного посещения венецианцем России [47:30]. Об этом же, собственно, свидетельствует и последовательный рассказ Барбаро о городе Москве (§ 55), а также проявленное Барбаро во многих русских сюжетах точное понимание сути событий и точное изложение фактов.

К примеру, говоря о подчинении Новгорода Москве, Барбаро употреблял тот же глагол «subiugare», что и для взятия Россией Казани в 1487 г., когда на ханский престол просто сел ставленник Москвы. Понятно, что относительно Новгорода речь шла о событиях 1471 г., которые, как и

в случае с Казанью в 1487 г., не означали включения названных государств в состав Московии, а лишь говорили о сильной зависимости от неё. Другой пример. Барбаро рассказывает, что в Новгороде в «последнее время постепенно» (*riap riano*) некоторые его жители стали принимать латинскую веру, будучи сторонниками польского короля Казимира IV. Об этом же есть известия в Московском летописном своде 1479 г. Там сообщается, что было в Новгороде «возмятие велико», на вече кричали «за короля хотим», и часть новгородцев стала «отступать от христианства» к «латынству», оттого московский князь Иван III, по версии Московской летописи, пошёл на новгородцев «не яко на христиан, но яко на иноязычник и на отступник православна» [1:159]. Венецианец также упоминает о новгородской ереси, но не понятно о какой – стригольниках или жидовствующих – и явно осуждает еретиков. В §52, 53 Барбаро правильно описывает географическое положение Рязани и Коломны, а также объясняет, что крепостные стены этих городов построены из дерева потому, что в России нет достаточного количества камня. Не ошибается венецианец и когда говорит, что в Рязани правит родственник Ивана III⁸. Очень ценно сообщение Барбаро о том, что лет за 25 до его посещения России, русские перестали платить дани (пошлины) за проезд по Волге в торговых целях.

Москву Барбаро описывает кратко, но ёмко. Сообщает о холодном климате, о хороших зимних дорогах, по которым передвигаются на санях («*sani*»), низких ценах на продовольствие, изобилии хлеба и мяса при недостатке фруктов, отсутствии винограда. В поле зрения венецианца попадает зимний торг на Москве-реке. Венецианца удивили замороженные и твёрдые «как камень», стоящие на льду на своих ногах туши животных, которые ввиду их числа продавали не на вес, а «на глаз». Не обходит вниманием Барбаро «предусмотрительные действия великого князя» Иоанна по борьбе с пьянством своих подданных. Барбаро заметил,

⁸ Рязанский князь был женат на сестре Ивана III.

что, не имея виноградного вина, русские умеют изготавливать бузу («bossa»), а также хмельной мёд («vini di miele») и крепкое пиво из проса. Два последних напитка названы «оглушающими» и «сбивающими с пути».

После цельного рассказа о Москве Барбаро помещает отдельные сюжеты о татарах, взятии русскими Казани в 1487 г., о торговле с Казанью мехом, об обычаях мордвы и чувашей («моксы»), о подчиненном Москве Великом Новгороде. «Великий князь [московский] покорил также Новгород, что на нашем языке означает «девять замков». Это громаднейший город, отдаленный от Москвы на восемь дней пути в северо-западном направлении. Раньше он управлялся народом, и люди жили там без всякого правосудия; среди них было много еретиков. Теперь понемногу переходят они в католическую веру, хотя одни верят, а другие нет; но они живут по закону, и у них есть судопроизводство» [1:159]. Замыкает повествование о России описание дороги из неё в Италию через литовские, польские и германские города: Троки, Слоним, Варшаву, Познань, Мерзагу и Франкфурт.

Первый раз сочинение Иосафаты Барбаро увидело свет в издании Антония Мануцио в 1543 г. [60], позже было переиздано в 1559 и 1606 г.

Амброджо Контарини

Другим венецианцем, описавшим Московию, был Амброджо Контарини. Как посол Венецианской республики он ездил в 1474 г. в Тебриз к тому же правителю государства огузов Ак-Коюнлу Узун-Хасану, что и Барбаро. Узун-Хасану было предложено продолжать борьбу с Турцией в союзе с Венецией, которая воевала с османами. К антитурецким действиям побуждал Узун-Хасана и находившийся одновременно с Контарини в Тебризе посол папы Римского Людовико да Болонья. Однако Узун-Хасан после того как турки разбили его под Эрзинджаном 10 августа 1473 г. уже не выступал против султана Мухаммеда II. Забегая

вперёд, отметим, что в 1501 – 1503 гг. государство Ак-Коюнлу, располагавшееся на востоке Малой Азии и в западной части Ирана, подчинила себе персидская династия Сефевидов. Татары выступили на стороне турок в ходе венецианско-турецкой войны (1463 – 1479 гг.). Это стало одной из причин пресечения деятельности к концу 1470-х гг. венецианской колонии Тана, окружённой татарскими владениями. Тогда же попала под власть османов и генуэзская колония в Крыму Каффа. Поэтому Контарини уже не мог через неё морским путём попасть на родину. Ко всем несчастьям в Астрахани татары захотели продать Контарини в рабство. Он откупался, занимая деньги у русских и татарских купцов. В итоге спас венецианца русский посол к Узун-Хасану Марк (Marco rosso), который внёс остаток выкупной платы. С Марком Контарини благополучно, хотя и с многими приключениями, добрался до России.

«Во всю ту огромную вереницу дней, пока мы ехали по степи, – а это было с 10 августа, когда мы вышли из Астрахани, и до 25 сентября [1476 г.], когда мы вошли в Москву, – мы готовили пищу, за неимением дров, на навозе. Теперь же, когда в полной сохранности мы попали в этот город и нам была предоставлена от Марка одна комнатка и еще небольшое помещение для всех нас и для лошадей, то это жилище, хотя и маленькое и плохое, показалось мне после всего перенесенного настоящим дворцом, большим и благоустроенным.

27 числа того же месяца и года прибыл в город Марк. Вечером он явился ко мне и преподнёс в дар продовольствие (город им изобиловал; об этом я скажу ниже), успокаивая меня и убеждая чувствовать себя свободно, будто я нахожусь в собственном доме. И это он сказал от имени своего государя. Я поблагодарил его, как мог и умел.

§ 29. 28 числа я пошёл к Марку и, так как я хотел уехать на родину, я попросил его предоставить мне случай говорить с великим князем. Марк выполнил это, потому

что через короткое время государь прислал позвать меня. Придя и совершив обязательную церемонию приветствий, я поблагодарил его высочество за добрую компанию, которую составил мне его посол Марк. Об этом я мог говорить с полной искренностью, так как много раз бывал спасаем Марком от величайших опасностей; кроме того, хотя эти услуги были оказаны лично мне, его высочество имел полное основание полагать, что они одновременно были направлены и на мою светлейшую синьорию, послом которой я являлся» [1: 227].

В Москве Амброджо находился с 26 сентября 1475 по 21 января 1476 г. Ивану III он представился как посол Венеции именно в Россию. Это, конечно, была самовольная импровизация, которая здорово помогла Контарини в конце его миссии. Сначала Иван III враждебно отнесся к Контарини. В Москве не забыли обман предыдущего эмиссара Венеции Джане Батисте Тривизане⁹. Он, выдавая себя за купца, в 1472 – 1473 гг. пытался проехать через Москву к явному врагу москвитян хану Большой Орды Ахмату, чтобы заключить с ним союз против турок. В Контарини заподозрили шпиона и практически арестовали, а точнее – запретили покидать русскую столицу. Иван III отбыл к войскам, и венецианец довольствовался плохим жильём за стенами Кремля, т.к. его попытка разместиться в хорошем доме в Кремле работавшего в Москве болонского архитектора Аристотеля Фиораванти была пресечена. Помощь Марка и благожелательное отношение других русских бояр расположили к венецианцу в конце концов и государя. Уже в декабре 1476 г. он дважды попал на великокняжеский пир. Иван III оплатил долги Контарини русским и татарским купцам, подарил соболью шубу и тысячу беличьих шкурок. Контарини удостоился аудиенции и у Софьи Палеолог, которую он, по византийскому этикету, именует «деспиной», т.е. дочерью деспота – императорского наместника в Морее Фомы, младшего брата последнего ви-

⁹ В России его звали Иваном Тривизаном.

зантийского императора Константина XI. Перед отъездом в Венецию Контарини опять пировал в Кремле, получил от государя в подарок серебряную чашу и должен был передать на родине, что московский государь «добрый друг» Венецианской республики.

По пути на родину Контарини в феврале 1477 г. сделал остановку в Троках. Там он имел аудиенцию у польского короля Казимира IV, внешнеполитического противника Ивана III. Рассказав королю о своём вояже на Восток, Контарини умолчал об успехе своей миссии в Москве. В 10 апреля 1477 г. венецианский посол прибыл на родину, а в 1488 г., т.е. намного раньше издания сочинения Барбара, опубликовал описание своего путешествия на Восток [61]. В нём было рассказано об увиденном в Иране, Грузии, Крымском и Астраханском ханствах, а также в России и на южнорусских территориях Великого княжества Литовского и Польши.

Сообщение Контарини о России и Москве очень содержательное. Как посол из торговой республики, он в первую очередь обращает внимание на устройство города, хозяйство и торг.

«Город Московия расположен на небольшом холме; он весь деревянный, как замок, так и остальной город. Через него протекает река, называемая Моско. На одной стороне её находится замок и часть города, на другой – остальная часть города. На реке много мостов, по которым переходят с одного берега на другой.... Край чрезвычайно богат всякими хлебными злаками. ... можно было получить более десяти наших стайев (около 20 кг) пшеницы за один дукат, а также, соответственно, и другого зерна. [Русские] продают огромное количество коровьего и свиного мяса; думаю, что за один маркет (мелкую венецианскую монету) его можно получить более трёх фунтов. Сотню кур отдают за дукат; за эту же цену – сорок уток, а гуси стоят по три маркета за каждого. Продают очень много зайцев, но другой дичи мало. Я полагаю, что [русские] не умеют её ловить.

Торгуют также разными видами дикой птицы в большом количестве. Вина в этих местах не делают. Нет также никаких плодов, бывают лишь огурцы, лесные орехи, дикие яблоки» [1: 228–229]. Контарини удивляется масштабам зимнего торго. Обращает внимание на то, что множество европейских купцов, съехавшихся в Москву из Польши и Германии, покупают только меха. Как и Барбаро, Контарини отмечает лёгкий путь зимой в санях, и трудности перемещения летом, в чём винит природу. В тёплое время года «ужасная грязь из-за таяния снегов, и к тому же крайне трудно ездить по громадным лесам, где невозможно проложить хорошие дороги» [1: 228].

Венецианский дипломат рассказывает о великокняжеской семье, в частности, о негативном отношении старшего сына Ивана III – Ивана Молодого к его мачехе византийской принцессе Софьи Палеолог. Контарини находит в Москве западноевропейцев на русской службе.

Это «мастер Трифон, ювелир из Катаро, который изготовил – и продолжал изготавливать – много сосудов и других изделий для великого князя. Ещё здесь жил мастер Аристотель из Болоньи, строитель, который строил церковь на площади (Успенский собор в Кремле). Также было здесь много греков из Константинополя, приехавших сюда вместе с деспиней. С ними со всеми я очень подружился» [1: 228].

Хотя Контарини и выселили по государеву приказу из хорошего кремлёвского дома, где приютил его Аристотель Фиораванти, в две «плохие», по его оценке, комнаты за пределами Кремля, в целом нарисованная им картина общения с европейским дипломатом отражает гибкость, открытость, явную доступность вельмож, придворных и самого государя, не говоря о предельной щедрости. Иван III не только оплатил долги венецианца, но и пожаловал ему дорогие подарки. Контарини не пришлось дожидаться, пока священник Стефан и некий опытный путешественник из Львова, которых он послал в Венецию за деньгами, привезут ему средства для уплаты всех его издержек.

Не выражает удивления Контарини ни модой, ни внешностью россиян. Ивана III он описывает как стройного, высокого и «очень красивого человека». И русский народ он находит «очень красивым», но «грубым». Интересно, что такие же привычки Контарини обнаружил в Литовской Руси в Киеве.

«Они величайшие пьяницы и весьма этим похваляются, презирая непьющих. У них нет никаких вин, но они употребляют напиток из мёда, который они готовят с листьями хмеля. Этот напиток вовсе не плох, особенно если он старый. Однако их государь не допускает, чтобы каждый мог свободно его готовить, потому что, если бы они пользовались подобной свободой, то ежедневно были бы пьяны и убивали бы друг друга, как звери. Их жизнь протекает следующим образом: утром они стоят на базарах примерно до полудня, потом отправляются в таверны есть и пить; после этого времени уже невозможно привлечь их к какому-либо делу» [1:229–230].

Контарини находит подобное время препровождение для себя неподходящими, но он ни разу не оценивает его ни диким, ни варварским. «...испытывая сильное желание вернуться на родину, — при том, что местные обычаи были неприемлемы для моей натуры, — пишет он, — я вступил в переговоры с некоторыми из дворян, которые, как мне казалось, должны были быть благосклонны и помочь мне уехать» [1:231].

Без особых эмоций Контарини затрагивается и конфессиональный вопрос. «У них есть свой папа, как глава церкви их толка, нашего же они не признают и считают, что мы вовсе погибшие люди». Но при этом он отмечает: «С уверенностью я могу сказать, что у всех я встречал хороший приём» [1:229–230].

Много раз Контарини выражает благодарность русскому послу Марку. Он помог выбраться Амброджио и его людям из Астрахани, где итальянцев хотели продать в рабство как врагов астраханского хана, тогдашнего союзника турок.

«Марк пожелал, чтобы я остался с ним, потому что уговорился с послом, по имени Анхи-оли (татарский посол, направлявшийся в Москву), взять меня из дома около полудня и идти к переправе... Когда наступило время, мне велели сесть на лошадь, и вместе с тем послом и с моим переводчиком мы с опаской поехали, как только могли бесшумно... Мы уже готовились перейти реку, чтобы присоединиться к своим, как вдруг, когда уже наступила ночная тьма, Марк позвал меня с такой неистовой торопливостью, что я подумал, что настал мой последний час. Он велел мне сесть на лошадь, также моему переводчику и какой-то русской женщине, и ехать в сопровождении одного татарина самого ужасного вида, какой только можно вообразить; он только и твердил мне: «Скачи, скачи быстрее!». Я повиновался — что же мне было ещё делать! — и последовал за тем татаринном. Всю ночь мы ехали, вплоть до полудня, и он не позволил мне слезть с коня ни на мгновение. Несколько раз я заставлял своего переводчика спрашивать его, куда он ведёт меня, пока, наконец, он не ответил, что причиной, почему Марк отправил меня, было то, что местный правитель собирался послать искать меня на лодках; Марк боялся, что, если бы они меня нашли, они задержали бы меня» [1:222–223].

Мы достаточно подробно остановились на «записках» Барбаро и Контарини. Как мы убедились, их «записки» о России — это нейтральные, если не сказать благожелательные описания русских реалий. Авторы обнаружили различия в быту и нравах Руси и Италии, но в их оценках нет ни кичливости, ни враждебности. Оба венецианца нашли в Московии открытость и доступность как русских людей, включая государя Ивана III, так и служащих в России европейцев (греков, фрязей, немцев). Итальянцы легко находили со всеми в Московии взаимопонимание.

Чем это можно объяснить? На наш взгляд двумя обстоятельствами. Во-первых, к концу XV в. Западная Европа не так далеко ушла от своего родного Средневековья, несмо-

тря на все «новшества», оттого и средневековая Россия с её другими обычаями не кажется им непонятной, странной или отсталой. Не случайно американский историк А. Янов утверждает, что Россия времён Ивана III и всей первой половины XVI в. была «обычной североευропейской страной». Во-вторых, после брака Ивана III и Софьи Палеолог, состоявшегося в 1472 г. по инициативе Святого Престола, в Италии ожидали скорого вступления России в войну с турками. Их экспансия серьёзно угрожала жизни юго-восточной и южной Европы и обрушивала торговые перспективы итальянских торговых республик. Описание в итальянских источниках заключённого в Риме брака Ивана III и Софьи Палеолог, жениха там представлял русский посол итальянец Джан Батисты делла Вольпе¹⁰, и восторженных встреч процессии новоявленной московской великой княгини Софьи,двигающейся из Италии в Россию, наполнено ожиданием скорого вступления далёкого московского государя в борьбу с османами за своё «византийское наследство». Итальянцы полагали, что это поможет и им отстоять свои интересы как в Средиземноморье, так и на берегах Чёрного и Азовского морей.

Эпоха учёных трактатов

В первой половине XVI в. на смену отрывочным записям о Московии миланцев и венецианцев пришёл целый ряд объёмных сочинений, составленных в жанре *учёных трактатов о Московии*. Эти трактаты не доминировали в общей массе сочинений иностранцев о России количественно. Но именно они имели решающее значение для окончательного формирования стереотипа России в западноевропейском общественном мнении. Кроме того, именно они положили начало научного осмысления России, попыткам описать её социокультурную систему как особый феномен, отличный от западноевропейского типа.

¹⁰ Юрий Фрязин в русских летописях.

Важнейшими трактатами о России первой половины XVI в. являются: «Записки о Московии» видного имперского дипломата, учёного-гуманиста Сигизмунда Герберштейна; сочинение венецианца, члена имперского посольства в Москву в 1517 – 1518 гг. Франческо да Колло; труд польского гуманиста, историка и географа Матвея Меховского; а так же книга шведского учёного Олафа Магнуса «История северных народов», опубликованная вместе с Морской картой¹¹. Из названных авторов в России побывали только Герберштейн и да Колло.

Критический анализ русской действительности уже доминировал в названных сочинениях. Однако, почти одновременно с ними в первой половине XVI в. были написаны труды, явно идеализирующие образ Московии. Речь идёт о работе уроженца Швабии доктора богословия, гражданского и церковного права Иоганна Фабри; книге о Московии итальянского писателя гуманиста Павла Йовия Новокомского; о послании папе римскому фламандского теолога Альберта Кампенского. Тон сочинений этих авторов отличался большой позитивностью в оценке России. По жанру это были своего рода «политико-религиозные утопии», где Московию представляли не такой какой ее видели, а такой какою желали бы её видеть авторы. Однако эти сравнительно небольшие по объёму тексты, не менее важны для историка. Они противостояли формирующемуся стереотипу России как «страны неевропейской», отражали определённые надежды и иллюзии части католического духовенства в отношении России.

Сочинения всех названных авторов оказались востребованными в Европе, о чём свидетельствует факт знакомства с ними «сильных мира сего», включая римских пап и императоров Священной Римской империи. Большинство названных сочинений в XVI – XVII вв. и позже неоднократно переиздавалось на латыни, немецком, итальянском и других языках.

¹¹ «Карта Марина».

Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о московских делах»

Сочинение Сигизмунда Герберштейна (1486 – 1566 гг.) хотя и вышло из печати позже трактата Меховского, но по значимости и востребованности как у современников, так и у историков явно его превосходит. В целом сочинение Герберштейна ценнейший источник, содержащий подробную информацию о территории, климате, природных богатствах России, её границах. Герберштейн описал не только центральные районы России, но и югорские, мордовские и татарские земли, Сибирь, а также территории северных и западных соседей Московии, в частности, Литву. Сообщает Герберштейн о занятиях жителей России, их этническом происхождении. Информирован о системе организации центральной власти, включая вопрос о титулатуре и происхождении московских правителей, пишет об организации управления Россией на местах, московском законодательстве (Судебник 1497 г.), стратах русского общества, особенностях национального характера русских, их быте, нравах, брачных обычаях, особенностях религии, путях, ведущих из Европы в Россию.

Важно также, что Герберштейн не просто описывал Россию, он вписывал её прошлое и настоящее в историю других народов Центральной и Восточной Европы. И всё это было систематизировано с широчайшей эрудицией. Будучи государственным деятелем и дипломатом, видевшим многие страны Запада и Турцию, Герберштейн мог фиксировать и анализировать действительность глубже, чем средневековые жители России. Являясь иностранцем, Герберштейн подмечал детали, которые были настолько привычны россиянам, что они не считали нужным отразить их в каких-либо своих письменных источниках. Оценочные суждения Герберштейна базировались как на рационализме, ставшим одной из фундаментальных основ мышления западноевропейцев эпохи Ренессанса, так и на свойственных этой переходной эпохе религиозных представлениями человека Раннего Нового времени об истине, как форме проявления божественного предопределения.

«Записки о Московии» уже фиксировали определенные европейские стереотипы, которые сложились на Западе в начале XVI в., однако именно Герберштейн превратил их, так сказать, в классический взгляд образованного европейца на Россию, который впоследствии воспроизводился практически всеми европейскими авторами ренессансной Европы.

Последнее обстоятельство заставляет подробнее остановиться на фигуре самого Герберштейна, подоплеке его труда о Московии и на основных оценках автора. Сигизмунд Герберштейн происходил из «пограничных немцев». Он родился в 1486 г. в Штирии в родовом замке Виппах. С детства говорил на немецком и словенском (виндском) языках, как, собственно, и практически всё население Штирии. В дальнейшем Герберштейн овладел латынью и церковнославянским языком. С 1499 по 1506 г. Герберштейн учился в Венском университете, проникнутом духом Ренессанса. С 1506 по 1516 г. находился на военной службе, где был замечен императором Максимилианом I Габсбургом. Он лично посвятил Герберштейна в рыцари. В 1515 г. Сигизмунд Герберштейн уже заседал в Имперском совете. С 1521 г. он был членом Высшего государственного совета родной ему Штирии, с 1527 г. – членом Нижнеавстрийской камеры, а с 1539 г. – её президентом. С 1537 г. Герберштейн был членом Высшего военного совета. За свои заслуги он получил титул барона. С 1516 г. и в течение следующих 40 лет Герберштейн являлся дипломатом. Он представлял интересы четырёх императоров Священной Римской империи – Максимилиана I, Карла V, Фердинанда I и Максимилиана II. С 1516 по 1553 г. Сигизмунд Герберштейн участвовал в 69 посольствах.

Во второй половине XV в. – первой половине XVI в. Священная Римская империя германской нации стремилась решить три задачи. Первейшей была претензия Габсбургов на превращение их державы во вселенскую империю, объединяющую всех христиан и доминирую-

шую в Европе. Вполне резонным объяснением этих амбиций являлась задача обуздания османской экспансии в юго-восточной Европе, из которой в свою очередь вытекал венгерский вопрос. Венгрия под напором османов после поражения в сражении при Мохаче 29 августа 1526 г. и гибели венгерского короля Лайоша II Ягеллона распалась на две части. Габсбурги закрепились в Западной Венгрии. Их серьёзным противником оказался король другой части Венгрии крупный мадьярский магнат Янош Запольяи. Он опирался на поддержку с одной стороны Польши, с другой – османского султана Сулеймана Великолепного.

После брака Ивана III с Софьей Палеолог Святой Престол и Священная Римская империя питали иллюзию о возможности включения Московского государства в борьбу с Османской империей. Кроме того, нуждаясь в нейтрализации Польши, имперская дипломатия с конца XV в. рассматривала московско-австрийское сближение, как фактор дипломатического давления на Польшу в венгерских делах. Россия в свою очередь из контактов с Веной стремилась извлечь тройную пользу. А именно, поднять свой престиж в Европе, получить ещё один канал давления на Литву, связанную личной унией с Польшей, и обрести право найма на русскую службу западных специалистов – военных, инженеров, архитекторов, врачей, ремесленных мастеров. Первая и последняя из названных выше задач осуществились вполне. Серьезный же военно-политический союз Москвы и Вены был невозможен. У России ни в конце XV, ни в XVI в. не было сил для войны с Турцией, что, к счастью для своей страны, осознавали её государи.

В России Сигизмунд Герберштейн побывал дважды: в 1517 – 1518 гг. и в 1526 г. Первый раз он выступил как посланный императором Максимилианом I имперский посредник в мирных переговорах Москвы и Литвы и находился в России целых 9 месяцев. В 1526 г. Герберштейн вместе с графом Леонардом Нугаролой представляли австрийского эрцгерцога Фердинанда. Поднимался вопрос о возобновлении русско-австрийского союза, заключенного в 1522 г.

Первая миссия Герберштейна в Москву формально кончилась ничем. Его рассказы о победах османов, лишь укрепили Василия III в намерении поддерживать с Портой добрые отношения. Как посредник в московско-литовских переговорах Герберштейн в интересах Москвы добился ведения переговоров на русской территории. Но его попытки склонить Василия III уступить Литве Смоленск, завоеванный русскими в 1514 г., успеха не имели. Расплывчатые фразы московских дипломатов о необходимости противостоять «бессерменским странам», могли подпитывать иллюзии Вены относительно вступления России в антитурецкий союз.

Все эти обстоятельства важны для понимания подоплеку написания Герберштейном его труда о России. Как имперский дипломат Герберштейн не мог питать к России, возможному союзнику, тех враждебных чувств, которые в силу острого соперничества Московской Руси и великого княжества Литовского постоянно присутствовали у польско-литовских авторов. Книга Герберштейна о Московии свидетельствует, что её автор был не простым мемуаристом, вспоминающим свои вояжи в далёкую страну. Его можно назвать настоящим исследователем, сумевшим познакомиться с большим числом русских летописей и других документов. К примеру, московским «Дорожником» конца XV – начала XVI в.; правилами митрополита Иоанна, жившего в XI в.; «Вопрошаниями» инока Кирика XII в. и др. Он записал устные предания, свидетельства как самих русских людей разного социального статуса, так и иностранцев на русской службе¹², проанализировать многие западные сообщения о России, исправив многие географические заблуждения современников. Судя по точности дат, находясь в Московии, Герберштейн вёл дневниковые записи, на основе которых уже в конце жизни в возрасте 63 лет, наконец, составил свои «записки» о Московии».

¹² Среди информаторов Герберштейна были «немцы» и «фрязи» на русской службе.

В итоге он представил читателю очерк прошлого и настоящего России, из которого и современные исследователи могут черпать факты, которых нет в иных источниках. Как человека любознательного Герберштейна двигала жажда изучения и описания новых земель. Эпоха географических открытий была и временем появления множества новых землеописаний. Для Священной Римской империи германской нации «открытие» уроженцем Бреслау Николаем Поппелем «Другой Руси» (не Литовской Руси) стало событием почти равносильным открытию Америки¹³. Всё это побуждало Герберштейна к изучению россий-

¹³ Рождённый в семье купца Николай Поппель (1435 – 1490 гг.), выпускник Лейпцигского университета, быстро оставил торговое дело. Он поступил на имперскую службу и, посещая разные европейские страны, выполнял поручения императора Фридриха III (1452 – 1493). В 1486 г. он появился в Москве, имея при себе грамоту императора, где цель поездки Поппеля как имперского посланца выдвигалось желание Фридриха III познакомиться с той страной и её монархом, где окажется Поппель. Это была такая универсальная грамота, хоть как-то определявшая статус путешественника-авантюриста, коим, наверное, и являлся Поппель во время своего вояжа в Московию. Поппеля сначала задержали, заподозрив в нём шпиона, но Иван III сменил гнев на милость. И немец убыл на родину весьма обласканный в Московской Руси, которую представил наследнику престола эрцгерцогу Максимилиану (будущему императору Максимилиану I, 1493 – 1519 гг.) самостоятельным государством и куда более могучим, чем известная в Империи Литовская Русь. Московия очень заинтересовала Фридриха III и Максимилиана, и второй раз Поппель посетил Москву в 1486 – 1487 гг. уже в качестве официального имперского посла. Устроить брак одной из дочерей Ивана III с племянником Фридриха III, как того желала имперская сторона, не удалось. Государь вся Руси полагал, что равной партией для его дочери мог быть только сын Фридриха III, а вот переговоры о союзе против польско-литовских Ягеллонов Ивана III заинтересовали и русский посол грек Юрий Траханиот ездил по этому поводу к императору. В 1489 – 1490 гг. имперский посол Николай Поппель передал Ивану III предложение своего императора о даровании ему королевского титула. На это, как известно, Иван III ответил отказом, заявив: «Мы Божию милостью государи на своей земле от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога». Вскоре на печати государя вся Руси появился двуглавый орёл. С XVI в. печати с двуглавым орлом будут сопровождать все важнейшие международные грамоты России. Двуглавого орла имела гербом с начала XV в. и Священная Римская империя германской нации. Скорее всего Иван III своим жестом с принятием герба,

ского прошлого и настоящего, делало имперский внешне-политический подтекст не только не единственным, но и не главным стимулом для автора «Записок о Московии».

Для правильного понимания оценок Герберштейна следует помнить, что в первой половине XVI в. он как представитель ренессансной Европы и «московиты» живут в разных исторических временах. Герберштейн, подобно всем своим образованным современникам, видит средневековое прошлое отсталым, невежественным и диким. Это касается не только русского Средневековья, но и Средневековья любой части мира, включая недавнее средневековое прошлое Западной Европы.

Для историка в «Записках» Герберштейна ценно всё, даже те места, где автор даёт явно искажённую трактовку увиденного. К примеру, Герберштейн обнаружил, что в самой Москве, часть её жителей, вступая в сношения с иностранцами, «притворяются, будто они не московиты, а пришельцы». Посол счёл это за лукавство, хитрость и вероломство, которое, как он «узнал», отличает москвичей от жителей других областей России. Между тем, скорее всего, «пришельцы», встреченные Герберштейном среди столичных жителей, являлись пришельцами на самом деле. Вспомним сотни насильственно переведённых в Москву Иваном III и Василием III «лучших людей» из новгородцев, тверичей, псковитян, смолян и пр. Этим людям по договорам с их землями при вступлении в Россию, как известно из русских летописей, обещали, что никого выселять не будут. Однако позже, опасаясь сепаратизма местных элит, Москва всегда переселяла «лучших людей» в чужие для них области России. Понятно, что «переведенцы» могли считать москвичей вероломными и лукавыми. Так что тезис Герберштейна о хитрости, лукавстве и ве-

аналогичного имперскому, сообщал Священной Римской империи, а заодно в всей прочей Европе, что полагает свой титул «государя» на меньшим, чем титул самого титулованного западноевропейского монарха-императора Священной Римской империи германской нации.

роломстве москвичей – это не столько его личное мнение, сколько мнение, широко распространённое среди части собственно русского населения.

Рассказ о москвичах, выдающих себя в общении с иностранцем за «пришельцев», приведён Герберштейном, как доказательство услышанного им от самих русских.

«Народ в Москве, как говорят, гораздо хитрее и лукавее всех прочих и в особенности вероломен при исполнении обязательств; они и сами отлично знают про это обстоятельство, поэтому всякий раз, как вступают в сношение с иноземцами, притворяются будто они не москвиты, а пришельцы, желая этим внушить к себе большее доверие» [6: 16].

Впервые «Записки о Московии» опубликованы на латинском языке в 1549 г. в Вене [52]. В более расширенном виде они переиздавались на латыни в 1551 и 1556 гг., а в 1557 г. Герберштейн опубликовал их на немецком языке [53]. Важно, что немецкое издание отличалось от латинских. Здесь имелись дополнения и пропуски, а также несколько по-иному интерпретированные сюжеты.

Позже ««Записки»» Герберштейна переиздавались много раз, в том числе за пределами Австрии на языках оригиналов или в переводах. Всего в XVI в. в разных европейских странах вышло 20 изданий «Записок о Московии» Герберштейна, 7 раз они переиздавались в XVII в., печатались и в XVIII столетии.

Благодаря описаниям Герберштейна известный немецкий художник и картографом Августин Хиршфогель сделал серию иллюстраций к «Запискам о Московии». Здесь была весьма условная и мало достоверная карта Москвы и куда более достоверные изображения самого Герберштейна в подаренной ему государем русской шубе, портреты монархов разных стран, включая Василия III, изображения русских конных дворян и т.д. Весьма достоверно был нарисован и принятый при Иване III в конце XV в. новый московский герб – двуглавый орёл Палеологов с шитом на

груди, в котором был помещён всадник, убивающий дракона. Только всадника Хиршфогель, соответствии с западноевропейскими геральдическими правилами, заставил двигаться справа налево. В действительности на сохранившихся оттисках печатей Ивана III и Василия III, выполненных итальянскими мастерами в ренессансной традиции, «ездец» смотрел, как было принято на русских иконах с Георгием Победоносцем, слева направо.

Вместе с имперским посольством Сигизмунда Герберштейна в Москву прибыл и пробыл в ней почти два года (1517 г. и 1518 – 1519 гг.) итальянец Франческо да Колло. Русские летописи запомнили его, как Френчюшко де Колла [38:416]. Да Колло в посольстве Максимилиана I к Василию III представлял интересы Венецианской республики. По возвращению в Венецию в 1519 г. он составил отчёт, где имелось особое «Доношение о Московии». Это сочинение было опубликовано в 1603 г. [57]. «Доношение» представляет ценность географическим описанием русской территории и знакомством автора с западноевропейской картографией Московии того времени. Возможно, Франческо да Колло был одним из «поставщиков информации» для работавшего в Венеции знаменитого шведского картографа и церковного деятеля Олафа Магнуса. Впрочем, современный исследователь И.А. Осипов считает, что наоборот на «Доношение Франческо да Колло» влияла информация Магнуса [22:12].

Две Сарматии Матвея Меховского

Здесь же обратимся к ещё одному трактату, который наверняка был одним из трудов, которые штудировал Герберштейн как и другие европейцы, желающие узнать о таинственной Московии в 1510-е – 1520-е гг. Речь идёт о сочинение польского гуманиста, историка и географа Матвея Меховского (Масей Карпига, Maciej Karpiga (лат.) 1457 – 1523 гг.). Он окончил Краковский (Ягеллонский) университет, где позже в 1501 – 1519 гг. восемь раз изби-

рался ректором. Перу Меховского принадлежит несколько медицинских и исторических трудов. В частности, Матвей Меховский оказался автором первого печатного труда по истории Польши – «Польской хроники», созданной в 1519 г. Властям в этой книге понравилось не всё, и они запретили её в 1521 г. Позже «Польская хроника» вышла снова, но со значительными «исправлениями».

Немаловажно для анализа сочинений Матвея Меховского то, что он являлся придворным врачом и астрологом польского короля из династии Ягеллонов Сигизмунда I.

«Трактат о двух Сарматиях» [54] был создан Меховским в 1517 г. и издан на латинском языке. Впоследствии печатался на польском, немецком, итальянском и некоторых других европейских языках, много раз переиздавался. Последнее говорит о его безусловной популярности в Европе. Сам Матвей Меховский объяснял причину написания трактата желанием познакомить образованный европейский мир со странами, «открытыми войсками короля польского». Ангажированность такой подоплёки видна невооружённым глазом, но в то же время труд Меховского представлял собой первую в Европе попытку дать географическое и этнографическое описание земель, протянувшихся от Вислы до Дона и Каспийского моря. В России, как мы уже говорили, Меховский не был, но он опирался на широкий круг источников, сообщавших о ней.

Две Сарматии (Европейская и Азиатская) – это территории Восточной Европы, описанные ещё античными авторами I до н.э. – IV в. н.э. (Плинием Старшим, Помпонием Мелом, Клавдием Птолемеем, Г. Валерием Флакком, епископом Медиолана Амвросием и др.). В современное для Матвея Меховского время на этих землях, называемых Меховским в подражание античным авторам Сарматиями, живут четыре «главных» народа: поляки, литовцы, русские и татары. Отправной точкой, неверной, к несчастью, для Меховского как учёного, послужил распространенный в Польше XV – XVI вв. миф о сарматском происхождении

поляков. Этот миф присутствовал и у другого известного польского историка, предшественника Меховского, Яна Длугоша. Второй важной теоретической предпосылкой исследования Меховского явилось утверждение разницы между жителями Московского государства, которых Матвей именует «москами», и «русинами» («рутенами», «русскими»), которые живут в пределах территории польско-литовской унии. При этом Меховский не отрицает, что речь поляков, «русинов» и «москов» родственная, славянская.

Сообщая о долгой зависимости «москов» от ханов Золотой Орды, Матвей Меховский впервые употребил распространённый ныне термин «*татарское иго*». Матвей указывает на распад «Татарии», усиление Московии и её экспансию на запад. Естественно, как подданный польской короны, которая личной унией была связана с великим княжеством Литовским, Меховский считает, что все русские земли, отвоёванные Иваном III и Василием III у Литвы¹⁴, а также на деле никогда не входившие в Литву Новгород и Псков – это законные владения великого князя Литовского, Русского и Жмудского.

Помимо поляков, литовцев, русинов, москов и татар им упомянуты скифы, сарматы, аланы, готы, вандалы, свевы, половцы, калмыки, черкесы, карелы, югра, пермяки, черемисы и т.д. Иногда Меховский правильно предполагает родство народов. К примеру, югры и венгров. Порой делает ошибочные выводы. Так, германцы (вандалы, свевы и бургунды) в «Трактате о двух Сарматиях» становятся поляками.

Несмотря на ряд ошибок и откровенную защиту внешнеполитических амбиций своей страны, сочинение Матвея Меховского содержит много достоверных деталей. Это касается описания Москвы, Новгорода и Пскова. Меховский отмечал и интересные детали. Например, что жители Пскова частью носят «немецкое платье»; что в Московии

¹⁴ Верховские уделы, Чернигово-Северская земля, Смоленская земля.

распространено подсечно-огневое земледелие: «пашут и бороздят землю деревом без применения железа и боронят, таща лошадьми по посеву древесные ветки». Это, конечно, не может относиться ко всей территории России, ибо противоречит археологическим свидетельствам. Однако, видимо, было присуще отдельным областям, а архаичность такого способа обработки земли поразила кого-то из информаторов Меховского. Отразилась в трактате Меховского и практика переселения и перемешивания населения в России по мере присоединения бывших независимых уделов к Москве. Меховский не понял истинных причин данных действий московских правителей, но сообщил, что аналогичное практикуют и турки на завоеванных землях. Матвей Меховский правильно информирует об огромной контрибуции, которую взял в 1478 г. с Новгорода Иван III. Он пишет о 300 возах золота и серебра. Число это Матвей, очевидно, позаимствовал у другого польского хрониста – Длугоша, а сообщением Меховского [15:108] воспользовались писавшие о России позже него Сигизмунд Герберштейн и Альберт Кампъенский.

Как географ, Меховский правдоподобно описал бассейны крупных литовских и русских рек и впервые среди западных авторов дал им не античные, а современные названия. Относительно верно Меховский представлял и расстояния между городами. Дореволюционный исследователь Е.Е. Замысловский сравнил данные Матвея и информацию о расстояниях с карты Географического общества и Почтового словаря. Получилось следующее. От Вильны до Балтийского моря по Меховскому – 300 верст, по данным Замысловского 240; от Балтийского моря до Полоцка соответственно – 350 и 238 верст; от Вильны до Киева – 500 и 724 версты; от Вильны до Смоленска – 500 и 468 [15:107].

«История северных народов» Олафа Магнуса

Олаф или Олаус Магнус (1490 – 1557 гг.) получил образование в университетах Германии, являлся секретарём своего брата, католического архиепископа Уппсалы Юхана. Реформация заставила братьев покинуть Швецию и перебраться в Польшу. После смерти Юхана в 1544 г. папа Римский Павел III назначил Олафа номинальным архиепископом Уппсалы. К этому времени Олаф Магнус был известным писателем, историком и картографом. В 1530-е гг. он жил в Венеции, где при поддержке венецианского патриарха¹⁵ издал в 1539 г. главный труд своей жизни «*Carta Marina et descriptio septemtrionalium terrarum... anno dni 1539*».

«Карта Марина» сопровождается книгой с комментариями под названием «История северных народов». Это сочинение Магнуса содержит конкретные сведения о России конца XV – начала XVI вв. Здесь много информации о русско-шведских взаимоотношениях, чаще всего о войнах, о походах русских и шведов на земли карелов и лопарей, о прошлых набегах новгородских ушкуйников и торговых связях на севере Европы. Олаф Магнус перечисляет предметы вывоза и ввоза, повествует о контактах русских купцов с шведскими, финскими и лапландскими торговцами. Главным товаром, получаемым обменом или покупкой русскими купцами, являлись меха, «такие как соболя, куницы и другие, называемые по-итальянски *dossi*». «Мех (выдр), – сообщает Магнус, – вывозится, подобно шкуркам бобров и многих других зверей, в огромном количестве к москвитам, а оттуда к татарам; потому что в этих холодных странах их покупают с большой охотой, чаще путем обмена, чем за деньги, чтобы они служили людям защитой от холода» [34].

Очень подробно описан союз 1493 г. датского короля Юхана и московского великого князя Ивана III. Датский

¹⁵ Венецианский патриарх – особый и редкий для католической церкви титул венецианского архиепископа.

монарх пытался пресечь попытки Швеции выйти из Кальмарской унии, объединявшей в одну корону Данию, Норвегию и Швецию с Финляндией. Иван III, присоединив в 1478 г. Новгородскую землю, вознамерился отвоевать три карельских волости¹⁶, давно уступленные новгородцами шведам по Ореховецкому договору 1323 г. Естественно, Магнус видит в этом желании вероломную экспансию московитов.

Как и Павел Йовий, Олаф Магнус использовал информацию о Московии, записанную в Италии со слов русского посланца (в статусе гонца) Дмитрия Герасимова к Папе Клименту VII. У Магнуса Герасимов назван «некий Дмитрий». Кроме того, Магнус использовал информацию устных источников – от фольклора до рассказов очевидцев-современников – и письменных. К примеру, Магнус цитирует текст письма Ивана III, которое доставили к датскому королю Юхану, находящемуся в 1501 г. в Стокгольме, московские послы Юрий Мануилович Грек и дьяк Третьяк Долматов. В письме и были указаны названные выше волости, которые Россия желала получить в соответствии с русско-датским договором 1493 г.

«... о трёх отданных приходах, т. е. Эгреббе Яске и Саволаксе, а также о реках Каянских, о которых мы с вами, братом нашим, не однажды спорили. Также и в ваших письмах написано, что советники вашего королевства Швеции говорили вам, что все эти приходы с реками относятся к вашему королевству Швеции, что мы наших послов к вам посылали и древние договорные грамоты, которые у нас есть в России и даже которые в вашем королевстве, какие между Русским княжеством и королевством Швецией сделаны и подписаны были... чтобы ясно видеть, к какому государству эти три прихода и реки относятся по справедливости... так вы, наш брат, к памяти должны обратиться наших и ваших договоров, целованием святого креста скреплённых» [34].

¹⁶ Эйрепя, Яскис, Саволакс.

Учитывая, что родина Олафа Магнуса Швеция имела много спорных территорий с Новгородской, а потом и с Московской Русью, Магнус не лишён, подобно польско-литовским авторам, предвзятости в рассказах о москвичах, желания представить их в отрицательном свете.

Московия – благожелательный взгляд с Запада

Заканчивая рассказ о записках иностранцев первой половины XVI в., надо остановиться на сочинениях, которые нельзя отнести в чистом виде к «научным трактатам». Они скорее являлись памфлетами, но в отличие от памфлетов второй половины XVI в. были доброжелательны к Москве. Эти сочинения отражали присутствие в католических кругах Западной Европы иллюзий относительно возможности превращения средневековой России в союзника католической Европы как в деле противостояния «протестантской ереси», так и отражения османской экспансии. Этими надеждами были созданы сочинения Альберта Капъенского (Альберта Кампензи), Иоганна Фабри и Павла Йовия. В качестве примера мы остановимся на труде последнего, т.к. именно он был наиболее известным писателем для широкой западной публики.

Никогда не бывавший в России Павел Йовий Новомский (Паоло Джовио, 1483 – 1552 гг.) был воспитан в детстве своим старшим братом Д. Бенедетто, который являлся историком города Комо. Позже в Падуе Йовий изучал философию, а в Павии – медицину. Побыв немного врачом, Йовий оставил эту профессию и занялся историей. За свою жизнь он создал много исторических сочинений. В 1524 г. на итальянском языке в Риме было опубликовано «De piscibus romanis», в 1560 оно вышло и в Венеции. На итальянском языке во Флоренции в 1549–1557 гг. выходило «Жизнеописание знаменитых людей» («Vitae virorum illustrium»). Одновременно Павел работал над «Историей моего времени в 45 книгах» («Historiarum sui temporis libri XLV»), которая была издана во Флоренции в 1551 – 1553 гг.

на итальянском языке и охватывала эпоху с 1494 по 1549 г. В 1546 г., а потом уже после смерти Йовия в 1554, 1571 и 1577 гг. во Флоренции и Базеле по-итальянски и на латыни выходили панегирики Йовия знаменитым современникам («Eulogia clarorum virorum», «Elogia virorum doctorum», «Elogia virorum bellica virtute illustrium», «Elogia virorum litteris illustrium»). В 1560 г. в Венеции издали «Письма» Йовия («Lettere volgari di Paolo G.»).

Как мы видим, Павел Йовий был очень востребованным автором. Происходило это благодаря живости языка его сочинений, а не научной глубине. Впрочем, это не означает, что Йовий был лишён научной интуиции. К примеру, в вопросе о существовании в Восточной Европе мифических Рифейских и Гиперборейских гор, откуда будто бы берут начало все крупные восточно-европейские реки, Йовий настаивал, что это «сказка», потому что писавшие о них античные авторы Плиний, Страбон и Птолемей вообще о Восточной Европе знали очень мало [3:13].

Сочинения Йовия часто грешили явной ангажированностью. Он сам признавался, что пишет ради своего удовольствия и из желания угодить своим патронам понтификам Адриану VI, Клименту VII и Льву X.

Книга Павла Йовия о Московии уникальна тем, что фактически имеет соавтора. Это русский дипломат Дмитрий Герасимов. Это обстоятельство роднит сочинение Йовия с запиской о Московии, составленной в конце XV столетия в канцелярии Сфорца в Милане со слов русского посла грека Георгия Перкамоты. Дмитрий Герасимов прибыл в Рим летом 1525 г. от Василия III после возвращения из Москвы посольства Климента VII во главе с Паоло Чентурионе. Переговоры шли об участии России в борьбе христианских стран против мусульман. В письме московского государя Клименту VII от 1525 г. было сказано: «Мы, по воле Божией, как и прежде сего стояли за Христианство, так и ныне стоим... а с вами и с иными христианскими государями желаем быть в союзе» [23:6].

Дмитрий Герасимов был один из образованнейших русских людей своего времени. Родился он скорее всего в Новгороде и служил там до конца XV в. С юности Дмитрий, как и его старший брат новгородский инок Герасим, занимался перепиской книг и переводом иностранных авторов. Будучи в своё время в Ливонии, Дмитрий выучил латинский и немецкий языки. В 1498 г. Герасимов перевел на русский латинскую грамматику Доната, «Песнь песней», а позже ряд немецких сочинений [36:78–79]. До опалы в 1525 г. Максима Грека Дмитрий сотрудничал с ним. Уже в старости, в 1525 – 1536 гг., книжное дело стало для Дмитрия основным занятием. Перед кончиной он по поручению новгородского архиепископа Макария перевёл на русский язык толкование на Псалтырь Бруно Вюрцбургского.

С 1500 до 1525 г. Дмитрий служил в Москве переводчиком на Посольском дворе Казны. Он ездил как толмач и гонец в Священную Римскую империю, в Данию, Швецию, Норвегию и к магистру Тевтонского ордена. До поездки к Клименту VII в статусе гонца Дмитрий уже бывал в Риме в 1491 г. в качестве переводчика при русском посольстве. Папа Клименту VII принял Герасимова с почётом. В ходе своего пребывания в Вечном городе Дмитрий посетил Римский Сенат и с интересом осмотрел римские достопримечательности.

Павел Йовий называл Герасимова латинизированным именем Деметрий Эразмий. От Йовия мы знаем, что Дмитрию в 1525 г. было 60 лет. Ум он имел «спокойный и восприимчивый» и был «в человеческих делах и священной литературе очень искусен». Йовий сообщает, что визит русского гонца вызвал большой ажиотаж в Риме. Павел Йовий решил, что было бы недальновидно не расспросить такого москвитянина о его государстве и других странах, где тот побывал. Итогом бесед итальянского интеллектуала и русского дипломата стала написанная Павлом Йовием на латыни «Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к Клименту VII». Она была издана в 1525 г. [55].

Первое, не дошедшее до нас издание, имело карту, составленную с учётом информации Герасимова. Возможно, что кроме богатых подарков от великого князя Папе Римскому Дмитрий Герасимов привёз в Рим некое изображение Василия III. После 1526 г. в Европе появилась гравюра с портретом этого государя Всея Руси. Позже его поместил в своей книге о Московии Сигизмунд Герберштейн.

Предыстория написания Йовием труда о России во многом облегчает его анализ. Папа Климент VII, видя угрожающее распространение идей Реформации в Западной и Центральной Европе, решил обратить свой взор на русский православный Восток. Папа надеялся, что угроза «люторской ереси» заставит старые христианские конфессии объединиться, естественно, вокруг Святого Престола. Заверение Василия III о верности его державы христианскому долгу, которые передал Дмитрий Герасимов, заставила Климент VII и его окружение надеяться, что вопрос об унии остаётся открытым.

Не так давно Ю.П. Язьковой была опубликована неизвестная ранее дружественная грамота Климента VII Василию III от 18 ноября 1525 г. [46:199–205]. Вскоре Папа Римский отправил в Москву посольство епископа Скарентского, а позже в Рим последовательно прибывали два русских посольства Иеронима Матвеева и дьяка Тимофея Семенова [41]. Но ни союз, ни уния не были заключены [23: 20].

Павел Йовий писал в атмосфере ожиданий антиосманского союза с Москвой и возможной Унии, поэтому он смотрел на малознакомую Западной Европе Россию, как на потенциального союзника. Его рассказ лишён всякого отрицательного подтекста и дух его прямо противоположен тону трактата Матвея Меховского, когда тот говорит о Московии. Московия представлена, как огромное и сильное государство, жители которого отличаются благочестием и ревностью к вере. С одобрением автор отмечает наличие церкви в каждом городском квартале Москвы, не обойден

вниманием и «славный своим строением и величиною» Кремлевский Успенский собор, построенный 60 лет назад «удивительным художником и мастером» Аристотелем Болонским. Отмечена мощь русской артиллерии и такое нововведение Василия III в военной области, как создание отрядов пищальщиков. Так называли пехотинцев, вооруженных огнестрельным оружием.

Точно Йовий информирует европейцев о летоисчислении в России – не от Рождества Христова, а от Сотворения мира. Новый год в России наступает не 1 января, а 1 сентября.

Павел Йовий упоминает разные области России – Пермь, Югру, Печору, Вогулию и др. Рассказывая о народах, которые находятся в подданстве московского государя, Йовий отдает должное ренессансной традиции обращаться к античной лексике. От этого на страницах его книги воскресают скифы, гипербореи, сарматы и т.д. Достаточно у Йовия и вымышленной информации. К примеру, утверждается, якобы со слов Дмитрия Герасимова, что в нашествии готов на Рим принимали участие разные народы, в том числе и москвиты. Москвитов Йовий видит и в упомянутых античным автором Птолемеем модоках.

Йовий не оставляет без внимания русскую торговлю и торговые пути. Возможно, в этом вопросе его информатором был не только Дмитрий Герасимов, но и вернувшийся из Москвы римский посланец Паоло Чентурионе, с которым приехал Герасимов. Чентурионе, как известно, являлся не столько дипломатом, сколько купцом. Он написал проект развития торговли между западноевропейскими странами и Восточной Азией через Россию [47:276]. В пассаже о торговле Павла Йовия, скорее всего, именно с подачи Чентурионе имелось неверное предположение, что Китай лежит не так далеко от Московии. Кстати, идею поиска северного пути в Китай через Северный Ледовитый океан и реки России на Британские острова завезли тоже итальянцы.

Во второй половине XVI в. «эпоха научных трактатов» сменилась «эпохой памфлетов» о Московии. Всё явственней стали звучать негативные оценки этой далёкой страны. Пик негативности пришёлся на время опричнины (1565 – 1572 гг.) и Ливонскую войну (1558 – 1583 гг.). Осью, вокруг которой всё вращается является личность царя «Ивана Ужасного». Прозвище «Грозный» все западноевропейцы переводили как «Ужасный» – «*Terribilis*» (лат.), «*Terrible*» (англ.), «*Terribile*» (итал.), *Iwan Der Schreckliche* (нем.), *Ivan De Verschrikkelijke* (голл.), *Ivan Den Förskräcklige* (швед.). Это был не случайный изъян перевода от непонимания смысловой разницы русских определений «грозный» и «ужасный». Это была чёткая смысловая позиция, сознательное употребление именно слова «ужасный», вместо прилагательного в своём языке, которое позволяло бы передать более точно русское слово «грозный».

Только поляки, «братья-славяне» и ближайшие соседи-враги Московии, когда писали о русском царе по-польски, следовали русской практике и Иван Грозный оставался «*Iwan Groźny*» (польс.). Однако в случае изъяснения на общеевропейской тогдашней научной лексике – латыни – «московский тиран» тут же и у польско-литовских авторов становился «*Terribilis*».

Далее мы дадим самую общую характеристику наиболее значимых для «времени памфлетов» сочинений. «Описание Московии» Александра Гваньини, веронца, который с юных лет и до смерти прожил в Польше, сделав там блестящую военную¹⁷ и литературную карьеру. «Описание Московии» Гваньини было издано вместе с его трудами по

¹⁷ А. Гваньини начинал как военный инженер. В ходе Ливонской войны (и при последнем Ягеллоне Сигизмунде II Августе, и при избранном короле Речи Посполитой Стефане Батории) воевал с русскими, причём прославился своей храбростью. Одно время занимал пост коменданта Витебска, а закончил свою военную карьеру в высоком чине королевского ротмистра, «золотого рыцаря и начальника пехоты», как написано на одном из сохранившихся портретов Гваньини.

истории, этнографии, географии Польши, Литвы, Ливонии, Европейской Сарматии и жизнеописанием польских королей в 1578 г. в Кракове. «Описание Московии» Гваньини переиздавалось в латинском оригинале трижды за пределами Польши (Базель, Франкфурт-на-Майне) в 1582, 1584 и 1600 гг. Также оно печаталось в XVII в. на немецком, чешском и польском языках. Это было хлёсткое и гипертрофировано отрицательное в отношении Московии сочинение. Особенностью польско-литовских авторов и авторов, связанных с Речью Посполитой (Гваньини, Одеборна, Шлихтинга и др.) является прямая связь их сочинений с целенаправленной пропагандой, которую, особенно в ходе Ливонской войны вела польская корона. Эта пропаганда имела два аспекта. Внешний — это воздействие на европейское мнение. Целью её было создание благоприятного мнения о польско-литовской короне и резко отрицательного — в отношении «невежественной» и «варварской» России.

В самой Польше нужно было убедить шляхту в справедливости войны за Ливонию. В Польше, как и во всей Европе, имелось представление о «справедливых» и «несправедливых» войнах. К первым относилась лишь оборона собственного Отечества. Экспансия в Ливонию, протектором которой в силу ряда договоров с Ливонским Орденом в XV—XVI вв. являлся великий князь Литовский и Русский и польский король, явно выходила за эти представления. В армии, собранной по приказу польского короля¹⁸, помимо польской и литовской шляхты служило много западноевропейских наёмников. Для пропаганды интересов польско-литовской короны среди всех воинов была создана первая в польской истории походная типография, работа которой оказалась эффективной. За что её глава простолюдин Лапка получил от короля Стефана Батория дворянство и шляхетскую фамилию Лапчинский [8:43–48].

¹⁸ «Коронном войске», как его именовали польско-литовские источники.

Опыт «государственной пропаганды» со стороны Речи Посполитой в ходе Ливонской войны был не первый в польско-литовской истории. Аналоги существовали и ранее. Стоит вспомнить освещение Грюндвальдской битвы 1410 г. и «оршанскую пропаганду», которая после битвы под Оршей (1514 г.) настроила против России часть европейского общественного мнения [8:42]. Распространяемые Лапкой «летучие листки» вкупе с «Историей Московской войны» польского дипломата, юриста, историка и доверенного секретаря польских королей Стефана Батория и Сигизмунда III Вазы Рейнгольда Гейденштейна (1553 – 1620 гг.) [5], превзошли успех «оршанской пропаганды». Всё общественное мнение Западной Европы стало смотреть на Ливонскую войну как на «войну азиатской России с цивилизованной Европой».

С таким же идеологическим подтекстом были написаны «записки» померанского дворянина Альберта Шлихтинга (умер после 1570). Известный польский исследователь Иероним Граля обнаружил, что во время своей московской службы Шлихтинг являлся шпионом подканцлера А. Волловича и отправлял ему важную информацию о московских делах. За что и был позже обласкан в Польше и получил в пожизненное пользование поместье Приселково [50:45]. Немецкая исследовательница Криста Прокш-Треплин и отечественный историк И.Д. Горшков [7:44] допускают, что Шлихтинг был по происхождению немец. Участвуя в Ливонской войне на стороне Польши и Литвы, Шлихтинг при овладении русскими литовской крепостью Езерица попал в плен, перешёл на службу к московскому придворному врачу Арнольду Лендзею в качестве переводчика. В России Шлихтинг находился более 6 лет (с 1564 по 1570 гг.), потом ему удалось бежать в Польшу. Там он и написал два сочинения. Краткое – «Новости из Московии, сообщенные дворянином Альбертом Шлихтингом о жизни и тираннии государя Ивана» и более подробное – «Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского

тирана Васильевича». Латинский перевод последнего¹⁹ в конце XIX в. нашёл в секретном архиве Ватикана, а потом опубликовал известный историк-иезуит из русских немцев Павел Пирлинг [32:251]. На русском языке это сочинение было впервые опубликовано в 1934 г. в переводе А.И. Малеина [37:15–16].

Известно, что кроме этого памфлета Альбертом Шлихтингом на латинском языке написал ещё один труд о России. Он был создан по горячим следам и имел хождение в Вене. Недавно в Национальной библиотеке в Варшаве был найден польский текст этого «венского памфлета», озаглавленный «Дело Великого князя Московского. Год 1571». Польский текст самый подробный. И. Граля считает, что он и был первоисточником всех остальных версий²⁰.

Как справедливо заметил И. Граля, «существование памфлета в редакциях на трёх языках и его присутствие в Риме, Мюнхене и Вене доказывает, что сочинение, компрометирующее «московского фараона», тщательно изучалось» [9:60–63] не только в Речи Посполитой, где было создано, но и при папском дворе, и в землях Священной Римской империи.

К концу XVI в. за Россией, как за Турцией, прочно закрепился стереотип «чужой» в Европе. Смерть Ивана Грозного все страны, так или иначе причастные к Ливонской войне, встретили с облегчением. При этом интерес к личности ушедшего русского «тирана» только нарастал. Западная публика в большинстве своём не очень разбиралась в тонкостях устройства России, но жаждала подробностей из интригующей личной жизни «деспота», описания его

¹⁹ «Nova ex Moscovia per nobilem Albertum Schlichtino; allata de Principis Iwani vita et tyrannide» (другое название – «De moribus et imperandi crudelitate Basilij Moschoviae Tyranni brevis enarratio»).

²⁰ Причём, по мнению Грали, с которым согласен И.Г. Горшков, сделавший новый перевод на русский язык немецкой редакции, немецкий текст был переводом с латинского, а не на прямую с польского [7:43–45]. Немецкая версия хранится в Баварском государственном архиве в Мюнхене.

злодеяний. В то же время серьезная общественно-политическая мысль ждала трактата, где на русском примере доказывалось бы, каким не должен быть цивилизованный государь.

Первый запрос удовлетворил труд немецкого пастора Павла Одерборна, вышедший на латыни в 1585 г., а в немецком переводе Генриха Рэтеля²¹ в 1588 г. Уже в посвящении пастор формулирует главную мысль своего памфлета: «Как счастливы народы, кому дан великодушный государь. О несчастны те народы, которые принуждены терпеть такого тирана, злого, жестокого, грубого, коварного, которого видим в [Иване] Васильевиче» [25:192–193.]. Весь трактат Одерборна складывался вокруг нанизывания на эту «ось» фактического материала из вполне реальных поступков Ивана Грозного. Из разных сторон русской жизни середины-второй половины XVI в. пристрастный взгляд этого автора отбирал только негативные стороны, что отнюдь не снижает ценности этого исторического источника [19:24].

В книге Одерборна, как заметил И.И. Полосин, много «обрывков исторических фактов», долетевших из Московии до Литвы [25:191–192]. Сам Одерборн в России не был, писал свой памфлет в Речи Посполитой. Его информировали вернувшиеся из Московии люди, в частности, посол к царю Фёдору Иоанновичу Лев Сапега. От Одерборна мы знаем, к примеру, о социальной политике князя Глинского «в московском стиле», разные подробности Ливонской войны, монастырскую политику Ивана Грозного, «эдикт» царя Фёдора Иоанновича по посадским делам и многое другое, в том числе из повседневной жизни России. Отдельно отметим большое число «дипломатическо-обывательских сплетен», которые блестяще иллюстрируют образ России и её царей²² за рубежами Московии. Популярность памфлету добавлял яркий литературный. Как

²¹ Heinrich Rätel (нем.), иногда Рэтель-старший, Rätel der Elter (нем.) 1529–1594 гг. из города Заган.

²² «тирана» Грозного и «добротного, законного», по мнению Одерборна, Фёдора Иоанновича.

литературный приём Одерборн часто использовал прямую речь.

Зарубежные и русские историки XIX в.²³ обращались к памфлету Одерборна, как к историческому источнику. Однако значительная часть дореволюционных, советских и постсоветских историков игнорировали его сочинения. Так, в дореволюционном обзоре иностранных источников о России С.Р. Минцлова [16] и в советском источниковедческом труде 1940-х гг. М.Н. Тихомирова сочинение Одерборна даже не упоминается [40]. У современных российских исследователей интерес к нему очевиден [18:18–19].

Образ опасной для Европы Московии создавался и памфлетами её знатоков, которые имели опыт службы в России. Это были «немцы», реально состоявшие на русской службе в ходе Опричнины и Ливонской войны и сбежавшие от грозного царя, когда стало ясно, что война Россией проиграна, а им самим со стороны Ивана Грозного стоит ожидать лишь опал и казней. На Западе немец-опричник Генрих Штаден и бывшие немецкие любимцы и советники Ивана Грозного ливонцы Элерт Крузе и Иоганн Таубе поспешили написать свои «записки» о Московии. Труд Генриха Штадена о Московии (1577–1578 гг.) [45] и «Послание» 1572 г. Элерта Крузе и Иоганна Таубе [27: 29–59] оказались весьма востребованными в Европе.

Для историка важно, что в сочинениях Штадена, Крузе и Таубе очень чётко, как и в польско-литовских листках о событиях Ливонской войны, прослеживается противопоставление Европы и России. Это свидетельствует о том, что концепт «Европа» как определенное социокультурное понятие с определёнными геополитическими рамками уже устоялся в общественном мнении западных христианских стран к концу XVI в. И даже в менталитете не отличающихся образованием наёмников-авантюристов, каким, к примеру, являлся Генрих Штаден, концепт «Россия – не Европа» был важной точкой самоидентичности.

²³ Н.М. Карамзин, Н.И. Костомаров, В.О. Ключевский, Павел Пирлинг.

Петербургский историк А.И. Филюшкин отмечает, что само понятие «Европы» и «Не Европы» сложилось задолго до XVI в. и до XX в. включительно развивалась как некая константа западного менталитета. ««Мы – европейцы», – сказал в 1620 г. англичанин Френсис Бекон в сочинении с красноречивым названием “Великое восстановление наук. Новый Органон”. Учёные относят возникновения культурно-цивилизационного концепта «Европы» и к эпохе Ренессанса, и к эпохе Просвещения, и к началу XX века, накануне Первой мировой войны... Не вдаваясь в полемику, заметим, что идея разделения мира на Запад и Восток (*Orientalis et Occidentalis*) своим происхождением была обязана разделению римского мира на Западную и Восточную Римскую империю в 395 году. В раннее Средневековье термин *Occidens* (Запад) означал территории, находившиеся западнее восточной границы империи Каролингов, то есть восточнее линии Эльба – Лита. После смерти Карла Великого в 814 году применительно к этому региону стал использоваться термин *Eugora*, а после раздела церквей в 1054 году получило распространение определение *Eugora Occidens* или *Occidentalis*. Границы этой общности распространились до пределов притязаний Священной Римской империи, то есть до Нижнего Дуная и Восточных Карпат... Россия как единое государство, «государство всея Руси», возникло в конце XV века вне этой общности. Благодаря православию оно оказалось в зоне культурного влияния Восточной Римской империи, Византии. Для русских ход мировой истории сводился к формуле: Священная история – церковная история – история Руси как главного и практически единственного носителя подлинной христианской веры – православия (порабощённые турками греки, сербы и болгары не в счёт)...» [44:58–66].

Очень интересным и необычным для защиты позиции «Речь Посполитая – Европа, а Московия – не Европа» был труд литовского автора, известного под латинизированным псевдонимом Михалон Литвин. Литовские историки

полагают его литовским шляхтичем, а белорусские учёные допускают, что он был западнорусским дворянином. Pamфлет Михалона Литвина, как и памфлет Гваньини, является прежде всего источником по истории польско-литовской общественной мысли. Михалон взялся за перо не столько из желания изучить Россию, сколько из стремления обратить внимание «изнеженных», по его мнению, сограждан-литовцев на ослабление их собственного княжества на фоне успехов Московии и доминирования Польши в польско-литовской унии. С этой целью Михалон Литвин рисует фантастический идеализированный образ врага Литвы – могучей Московии, стремясь напугать сограждан и заставить их исправить свои пороки.

Московский царь, пишет Михалон Литвин, «Свободу защищает ... не сукном мягким, не золотом блестящим, а железом, народ у него всегда при оружии, крепости снабжены постоянными гарнизонами, мира он не вымаливает, силу отражает силой, воздержанию татар противопоставляет воздержание своего народа, трезвости – трезвость, искусству – искусство, подражая нашему герою Витовту... москвитяне хвастают, что заимствовали у нас Витовтовы законы, которые мы уже оставили...» [17:93].

Очень характерные для Михалона Литвина подобные связки отражают уверенность автора, что многие успехи Московии проистекают из заимствования западного опыта. Они не могут не заинтересовать историка, изучающего взаимоотношения России и её западных соседей в XVI в. Михалон убеждён в существовании московской «разведки». Он пишет о русских перебежчиках, которые, по его мнению, явились в Литву только для того, чтобы выведать её секреты, а потом доложить о них русскому царю.

Самым забавным у Михалона Литвина является восхваление трезвости русских. Обычно иностранцы акцентируют внимание на беспробудном пьянстве москвитян, когда нет поста. Но Михалон именно литовцев укоряет в чрезмерном поклонении Бахусу, отчего татары и русские

начали их побеждать в бою. При этом Михалон убеждён в изначальноном «превосходстве» природы литвинов над москвитянами и «русинами»²⁴. «Мы, литвины, – утверждает Михалон, – происходим от итальянцев и в наших жилах течёт итальянская кровь. У нас – римские обычаи и обряды, у нас – собственный, наполовину латинский язык, который отличается от русинского языка» [12:107]. «Сказки о Литве-Литалии» рассказывал в своё время и Янош Длугаш, утверждая, что литовцы потомки бежавших к Балтийским берегам римлян сторонников Помпея. Это фантастическое в своей сути предположение доказывает лишь то, что авторитет Древнего Рима и римлян, который почитался на Западе в эпоху Ренессанса, и для Литвы и Польши служил идеалом и отчасти именно это вводило Речь Посполитую в Ренессансную Европу.

Вариантом другого вида памфлета являлось «Путешествие в Россию датского посланника Якоба Ульфельдта» [42]. Это пример памфлета-воспоминаний о конкретном событии. Автор, Якоб Якоб Кнудсен Ульфельдт или Унфельд (1535? – 1593 гг.), образованный аристократ из шведского рода и ревностный протестант, возглавлял датское посольство, находившееся в Москве с мая 1578 г. по январь 1579 г. Ульфельдт был единственным иностранным дипломатом, о котором достоверно известно, что он имел аудиенцию у Ивана Грозного в Александровской слободе. Слобода подробно описана в записках Ульфельда. Однако причиной написания «Путешествия...» явилось не столько желание информировать об увиденном в России, сколько стремление оправдаться за неудачный для Дании русско-датский мирный договор. В немецких изданиях 1608 и 1627 гг. «Путешествия...»²⁵ есть 5 иллюстраций: вид Александровской Слободы с птичьего полета, три изображения

²⁴ Православным населением великого княжества Литовского.

²⁵ Напечатать на родине свое «Путешествие» Ульфельдт не смог и отослал рукопись в Женеву, откуда она загадочным образом переместилась в Лион, где в 1601 г. была найдена в мусорной куче бакалейщика немецким учёным Мельхиором Гольдастом фон Хайминсфельдом, издавшим

внутри покоев и рисунок пьедестала для царской державы. Известный датский русист Кнуд Расмуссен убедительно доказывает вымышленность всех 5-ти рисунков, тем более что их, как и ссылок на них, нет в оригинале рукописи [56; 29:57–67].

От датского посольства 1578 – 1579 гг. сохранилось ещё три документа, важных для исследования взаимодействия России с европейским миром. Это – «записки» на латыни пастора посольства Андерса [13:40–41]; официальный протокол посольства на немецком языке [13:40–41]; анонимный дневник на датском языке [42:75–77]. У Андерса и в анонимном дневнике есть сведения о дискуссиях членов миссии лютеран с русскими о вере.

Самая сложная и, заметим, интересная для историка реакция на российскую действительность у анонимного автора «Дневника». Он высказывает антипатию не к России и русским в целом, а персонально к царю Ивану Грозному и его окружению²⁶, в действиях которых видит варварство и зверство.

«Донесения» иностранных дипломатов

Стоит отметить, что во второй половине XVI в. в «эпоху памфлетов» о России писались и другие труды. Их авторы субъективно стремились быть правдивыми. Такой подход часто встречается в сочинениях итальянских и австрийских дипломатов. Они часто были написаны «для служебного пользования», не публиковались или были изданы уже в другом столетии и в другой атмосфере. Поэтому эти сочинения оказывали куда меньшее воздействие на массового западноевропейского читателя.

Примером могут служить «Донесения об империи Московии»²⁷ некоего венецианского посла, которое до 1913 г. ошибочно приписывали Марко Фоскарини. Этот посол,

её во Фракфурте-на-Майне в 1608 г.

²⁶ Так, Он сообщает, что в этом участвуют и оба царских сына.

²⁷ «Relazione dell' Imperio di Moscovia».

назовём его условно Псевдо-Фоскарини, посетил Россию в 1557 г. [20:4–15] Отсутствие «памфлетного подхода» свойственно «Путешествию в Московию Рафаэля Барберини» [2], созданному в 1565 г., как и сочинению венецианского дипломата Франческо Тьеполо [30:327–344] и донесению от 1568 г. папского легата в Речи Посполитой Фульвио Руджиери [33:76–77].

Описывая вполне объективно невежество москвитян в отношении наук, итальянские дипломаты очень потешают современного читателя, когда сами, желая продемонстрировать свою образованность, тиражируют античные анахронизмы и прочие околонуточные заблуждения эпохи Ренессанса. Чего, к примеру, стоят рассказы Псевдо-Фоскарини о пигмеях, людях-чудовищах и Сетрипонах, или его оригинальную трактовку происхождения москвитян от ливонцев и татар.

Но у дипломатов из дальних к России стран, как правило, отсутствует заведомое неприятие Московии. Псевдо-Фоскарини сообщает, что прибыл к Ивану IV с предложением искать через Россию путь в Индию и Китай. По его версии, это заинтересовало царя. Посол подробно описывает Москву, Новгород, Владимир, земли бассейна Волги, рассказывает об облике москвитян, их образе жизни, языке, быте, об отношении к женщинам и к хмельным напиткам. Есть сюжеты о состоянии медицины и летоисчислении. Посол останавливается на особенностях православной веры и на обрядах, указывая их расхождения с католическим культом. Во всём этом он демонстрирует достаточно объективный взгляд человека Раннего Нового времени, попавшего в средневековую страну.

Ещё один труд о Московии написал Рафаэль Барберини, образованный купец из влиятельной семьи. Рафаэль Барберини приходился дядей Папе Римскому Урбану VIII. Россия интересовала его как торговый партнёр. Однако его «Письмо отцу», которое он составил по просьбе библиотекаря Папы Римского Пия IV кардинала Амуле, перерастает

в ёмкий труд о России²⁸. «Письмо отцу» было передано в Венецию при посредничестве имперского посла графа Нугарола.

К широкому европейскому читателю сочинение Барберини попадет только в 1658 г., будучи изданным его внуком Николаем Барберини. Примечательно, что в издании внука работа деда будет приложена в дополнение к итальянскому переводу сочинения Адама Олеария о России²⁹ с целью, как объясняет издатель, сгладить нелицеприятные отзывы Олеария о Московии. Впрочем, у самого Барберини немало критических оценок русской жизни.

В библиотеке Барберини в Риме сохранился и ещё один документ, созданный Рафаэлем Барберини. Это карта, изображающая Ливонию и западные области России, с указанием городов, которые он посетил в ходе своего путешествия 1564 г. [59:165].

Другой тип свидетельства о России представляет «Рассуждение о делах Московии» венецианского дипломата, ведущего род от римских патрициев, Франческо Тьеполо. Он не был в России³⁰. Работа Тьеполо является деловой информационно-аналитической справкой на 20-ти страницах. Её первая компилятивная часть опирается на труды С. Герберштейна, М. Меховского, П. Йовия, И. Барбаро. Вторая, оригинальная часть содержит информацию об эпохе «великого герцога Джованни» (Ивана IV), которую Тьеполо получил от побывавших в России людей. Особо ценен для историков его анализ итогов применения «западных новшеств» в Московии. Тьеполо отметил, что при Василии III впервые появились конные и пешие аркебузьеры. «Ныне», т.е. при Иване IV, они замечает Тьеполо, превратились в высоко боеспособные части. В них служат не только русские, но и немцы-пехотинцы, проживающие

²⁸ «Relazione di Moscovia Scritta da Raffaello Barberino al conte di Nubarola, Anversa li 16 ottobre, 1565».

²⁹ Viaggi di Moscovia degli anni 1633, 1635 e 1636 etc. Viterbo, 1658.

³⁰ Ф. Аделунг считал, что Тьеполо посетил Россию.

в особой слободе под Москвой. Тьеполо сообщает также о приглашённых из Германии и Италии инженерах и литейщиках, с помощью которых были укреплены крепости Казани и Астрахани, создана мощная артиллерия. Дополнением к информации Тьеполо о заимствовании Россией западных «новшеств» служит «Донесение Папе Римскому» его нунция в Польше Фульвио Руджиери от 1568 г.

Одним из самых интересных сочинений итальянцев о России, продолжающих скорее традиции научного трактата, является «Московское посольство Антонио Поссевино» (1534 – 1611 гг.). Особое внимание в нём уделено вопросу о возможности с московскими «схизматиками» церковной Унии. Этот труд был адресован генералу ордена иезуитов Клаудио Аквавиве. В своё сочинение Поссевино включил и донесение другого члена посольства, тоже иезуита Джiovани Паоло Кампани, а также запись беседы Посевино со старым флорентийским купцом Джiovани Тедальди. Последний много лет провёл в России времён Ивана Грозного, а в конце жизни, поселившись в Данциге, был частым собеседником польского короля. Тедальди очень лоялен к Ивану IV. Многие «зверства» Ивана Грозного, описанные Гваньини, по версии Тедальди, были явными преувеличениями.

Сам Поссевино прибыл в Россию в связи с обращением Ивана Грозного к Папе Римскому Григорию III. Царь просил о посредничестве в русско-польских переговорах 1581–1582 гг., венчавших Ливонскую войну. Для Ватикана это был удобный повод поговорить с «Московитом» о церковной Унии. Григорий XIII в 1576 г. уже отправлял в Москву посольство во главе с иезуитом Рудольфом Кленхеном, которое, однако, не сумело склонить царя к Унии. В надежде на прогресс в церковном вопросе, Поссевино оказался тем посредником в переговорах, которого его единомышленники подозревали в явной защите русских интересов. Действительно по Ям-Запольскому договору 1582 г. Россия, выбитая войсками Стефана Батория из Ливонии и Полоцкой земли, практически не потеряла ничего из своих

исконных владений. Стефан Баторий, не сумевший взять Псков, увёл свои войска с русского севера. Для Поссевино переговоры об Унии были важнее территориальных претензий Речи Посполитой к России. Однако, после заключения Ям-Запольского мира посланец Папы не достиг никакого сдвига в вопросе о вере. Иезуит сообщает о своём диспуте с Иваном Грозным о вере и приходит к выводу, что вряд ли Московию можно склонить к Унии. Эффективнее эта политика проводилась в отношении православного населения Речи Посполитой. Сочинение Поссевино содержит много фактов из области внутренней и внешней политики России. Иезуит также описывает отношение русского общества и власти к западным иностранцам.

Отдал Поссевино дань и жанру памфлета, но в нём он рассуждал уже не о Московии, а о Ливонии. Памфлет Поссевино «Ливония» практически не был востребован отечественной историографией, возможно из-за банальности постановки вопроса. Главная мысль автора сводилась к тому, что пока Ливония была католической, она процветала. С Реформацией начались её беды. Для нас памфлет интересен планом, адресованным Папе Григорию XIII. В нём изложены меры по возрождению «истинной веры» в Ливонии и пропаганде церковной унии среди московских православных «схизматиков» [26]. Это несколько диссонирует с его выводами о перспективах Унии в Московии, высказанными в «Московском посольстве Антонио Поссевино».

Авторы из Священной Римской империи часто демонстрируют те же иллюзии в отношении Московии, что были свойственны сочинениям Иоганна Фабри, Павла Йовия и Альберта Кампенского. Имперская и австрийская дипломатия не расставалась с надеждой о возможном антиосманском и церковном союзе с ревностной в вере, но мало культурной, по их мнению, Россией. В этом плане характерны «Донесение о Московии» 1579 г. имперского посла в Москве, ошибочно приписываемое известному моравскому аристократу, дипломату Максимилиана II Иоганну

Пернштейну [4:II–III]; «Начало и возвышение Московии»³¹ австрийского и имперского посла, уроженца Львова Даниила Принца из Бухова³²; «Дневник» посольства в Москву в 1593 г. имперского посла Николая Варкоча, написанный Стефаном Гейсом³³.

Имперские источники отразили стремление Габсбургов сблизиться с Московией. В «Донесении Пернштейна» всячески акцентируется военная и экономическая мощь России, чтобы представить её перспективным союзником против Турции. Автор приводит ссылки на информировавших его русских, а также немцев и поляков, состоявших на московской службе. «Донесение...» не было опубликовано, но уже в XVI – начале XVII вв. появились его копии и переводы с итальянского оригинала на латинский, немецкий и польский языки. Они сохранились в архивах Ватикана, Берлина и Лейпцига.

Даниил Принц фон Бухау приезжал в Москву в 1576 и 1578 гг. Он обсуждал с русским правительством вопрос о возможности занятия эрцгерцогом Эрнестом освободившегося польского престола. Важно, что Даниил Принц пользовался какими-то русскими источниками. Об этом свидетельствуют, например, его замечания «как они пишут в своих книгах...» или «перевёл, как мог, с русского». Включил Даниил Принц в своё сочинение и царские послания к имперским послам и письмо магистра Ливонского Ордена к Даниилу Принцу. Сочинение Даниила Принца не было обнародовано при жизни автора. Его впервые издали в 1668 г., когда во второй половине XVII в. интерес к России как к уже реальному антиосманскому союзнику опять возрос. В целом в XVII в. труд Принца «Начало и возвышение Московии» издали четыре раза³⁴.

Но и в конце XVI в. усилия имперских дипломатов не

³¹ «Moscoviae ortus et progressus»

³² Daniel Printz (1546 – 1603 гг.), он же фон Бухау.

³³ Stephen Geis, Giesen.

³⁴ В 1668 г. в Силезии в Нисе типограф И.К. Шубарт; в 1679 г. внук Даниила Принца; в 1681 г. и в 1687 г. типограф Христофор Грубер.

пропали даром. Борис Годунов, правитель России при царе Фёдоре I Иоанновиче, взял курс на сближение со Священной Римской империей. Император Рудольф II Габсбург сумел дважды получить от России финансовую и политическую помощь в польских и турецких делах. Этому предшествовали визиты в Москву имперских дипломатов. Так, например, Николай Варкоч³⁵ побывал в Москве в июне-декабре 1593 г. «Дневник» его посольства составил Стефан Гейс [21:1–36]. Судя по документу, Варкоч зондировал даже вопрос о возможности занятия кем-либо из Габсбургов русского престола в случае бездетной смерти Фёдора I. Получение большой московской субсидии³⁶ обусловило благожелательный к России тон «Дневника посольства Варкоча».

Одним из интересных непамятных документов конца XVI в., в котором содержится информация о России и о её контактах со странами Востока и Запада, является сочинение Хуана Персидского (Орудж-бека Баята)³⁷. Испанскому монарху Филиппу III в 1604 г. он направил сочинение в трёх книгах, одна из которых (третья) посвящена России [43:1–20].

Целый комплекс записок о России оставили английские купцы и дипломаты XVI в. Интересно, что все руководители английских «миссий»³⁸ написали сочинения о России. Кроме того, «записки» или краткие сообщения о России

³⁵ Имперский посол Николай Варкоч фон Нобшич из Вильгельмсдорфа побывал в Москве трижды (в 1589, 1593 и в 1594).

³⁶ В 1589 г. Империя получила слитков драгоценных металлов на сумму 3 млн гульденов. Второе и третье имперские посольства получили субсидию в 44 тыс. русских рублей мехами в 40 360 шкурок соболей, 20 760 кунит, 337 235 белок и 3000 бобров [32: 3–24].

³⁷ Он являлся членом посольства шаха Аббаса I, проезжавшего через Россию на Запад. В России посольство находилось с октября 1599 по июль 1600 г. В Испании Орудж-бек крестился с именем дона Хуана (Жуана) Персидского.

³⁸ Главы экспедиций Ченслор и Адамс и послы английской короны Энтони Дженкинсон, Фома Рандольф, Джером Боуэ, Джером Горсей, Джильс Флетчер.

оставили и другие британцы – торговцы, а также доктора, аптекари, ювелиры.

Из записок англичан о Московии стоит выделить сочинения Флетчера и Горсея. Но его сочинение не столько памфлет, сколько научный трактат. В нем анализируется социокультурная система России в контексте ренессансной политической и общественной мысли, включая теорию суверенитета Жанна Бодена. А сочинения Горсея, выступавшего не раз послом России и при Иване Грозном, и при его преемниках, содержат множество интересных фактов, вполне объективно отражающих взаимовосприятие русских и иностранцев в конце XVI – начале XVII вв.

Торгово-дипломатическая миссия Флетчера в Россию завершилась неудачно. Вернувшись на родину, он решил сгладить эту неудачу успехом на научном поприще. Джильс Флетчер был выпускником Кембриджского университета, доктором права и магистром теологии. В 1591 г. в Лондоне вышел труд Флетчера «О русском государстве...». Лондонская Московская компания, чьи интересы в России Флетчер отстаивал неудачно, сочла его книгу оскорбительной для русских и вредной для интересов компании. Губернаторы (главы) компании просили королевского министра Роберта Сесила официально запретить книгу Флетчера. В итоге почти весь тираж был уничтожен³⁹.

Источниками труда Джильса Флетчера помимо личных наблюдений являлась информация купцов-членов Московской компании; сведения члена Московской компании Джерома Горсея, долго жившего в России; а также книга Сигизмунда Герберштейна. Правда, заимствуя у Герберштейна, Флетчер не считал нужным ссылаться на него.

Структура книги Флетчера имеет три части. Первая, главы I–IV, посвящена географическому положению и описанию климатических, территориальных, этнических и иных особенностей России. Вторая часть концентрируется

³⁹ Сочинения Флетчера и Горсея издали только в 1856 г в книге «Russia at the Close of the 16-th Century» [57].

на природе русской государственной власти и описывает государственное устройство и управление России (главы V–XIII), судебную систему (глава XIV), войско (главы XV– XX), вероисповедание и церковь в России (главы XXI–XXV). Третья часть повествует о хозяйстве, нравах и быте россиян, какими они представлялись Флетчеру (главы XVI–XXVIII).

У Флетчера сложилась чёткая концепция общественно-политического устройства России. Он считал, что государственная власть не защищает интересы подданных, а паразитирует на них, преследуя свои собственные цели. Главная из них – всевластие государя. В русском обществе англичанин видит три социальных слоя – дворянство, духовенство и простой народ. Эти слои, по Флетчеру, находятся в противоречии друг другу. Их вражда разжигается властью, которая следует принципу «разделяй и властвуй». Трактат Джильса Флетчера о России как исторический источник сопоставим по значению с трудами Герберштейна и автора первой половины XVII в. Адама Олеария.

Другой член Лондонской Московской компании знатный англичанин Джером Горсей жил в России с 1573 по 1591 г. и в русских документах XVI в. именовался Еремей Ульянов⁴⁰. Горсей владел русским языком. В России он не только руководил московской конторой Компании. В 1580 г. по царскому приказу он договаривался в Лондоне о поставке в Россию важных для войны с Ливонией товаров – пороха, селитры, меди, свинца и т.п. Царское поручение Горсей блестяще выполнил, привезя в Московию весной 1581 г. необходимые ей военные припасы на 13 кораблях. Российским послом Горсей ездил в Англию также в 1585 и в 1587 гг. Благоволил к Горсею и Борис Годунов, сумевший благополучно отправить англичанина на родину, когда он угодил под стражу из-за противоречий с русской казной, а также со своими кредиторами. Карьера Горсея после возвращения в Англию в 1591 г. складывалась удачно.

⁴⁰ Отца Джерома звали Уильям.

Более 20 лет он заседал в Парламенте и получил рыцарский титул.

Горсей написал три сочинения о России – «Путешествие сэра Джерома Горсея», «Торжественная коронация Фёдора Ивановича», «Трактат о втором и третьем посольствах сэра Джерома Горсея». Желание оправдаться от обвинений, предъявленных в своё время русскими и соотечественниками, подогревало творческую активность сэра Джерома. Правда память часто ему изменяла Горсею, и он путался не только в событиях русской, но и европейской истории [35:15–29]. Кроме трёх названных сочинений Горсея о России сохранился ряд его писем, касающихся русских дел конца XVI в. При жизни Горсея в 1626 г. был издан лишь краткий вариант «Путешествия...»⁴¹.

Итак, к концу XVI столетия, как мы увидели из «записок» западноевропейцев, романо-германский мир совершил своё «открытие Московии» и сделал определённые выводы. С одной стороны, ренессансные фантазии, конфессиональные и внешнеполитические иллюзии были развенчаны, сформировался стереотип Московии как «неевропейской страны». С другой стороны, Московия начала осознаваться как важная часть мира, присутствие которой, её внешнеполитические амбиции, территориальную экспансию и растущую мощь невозможно было игнорировать. Русский фактор стал одной из составляющих истории большой Европы.

Литература

1. *Барбаро и Контарини о России*. К истории итало-российских связей в XV в. Вступ. статья, подг. текста, пер. и комм. Е. Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. 274 с.
2. *Берберини Р.* Путешествие в Московию Рафаэля Берберини. / Ред. и пер. Любича-В.И. Романовича. СПб., 1843. 101 с.

⁴¹ «Извлечения из обзора сэра Джерома Горсея, посвященного семнадцатилетним путешествиям и деятельности в России и примыкающих странах».

3. Библиотека иностранных писателей о России / под ред. В. Семенова. Отделение первое. Т.1. СПб., 1836. 603 с.
4. *Бодянский О.* Предисловие // Донесение о Московии Иоанна Перштейна, посла императора Максимилиана при московском дворе в 1575 году. М., 1876. С. II-III.
5. *Гейденштейн Р.* «записки» о Московской войне. (1578–1582) / Пер. с лат. И. И. Виноградова. СПб.: Археогр. комис., 1889. 408 с.
6. *Герберштейн С.* «записки» о московских делах // Иностранцы о древней Москве. Москва XV-XVII вв./ Пер. А.И. Малеина. М., 1991. 427 с.
7. *Горшков И.Г.* Немецкий список «Сказания» Альберта Шлихтинга // Древняя Русь. Доклады участников II Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». 2004. № 2 (16) С. 43-45.
8. *Граля И.* «Круглый стол» по истории Ливонской войны. Первая война России и Европы // Родина № 12. 2004. С. 42–48.
9. *Граля И.* Супершпион и ренегаты // Родина. № 12. 2004. С. 60–63.
10. Россия и Италия / Импер. Акад. Наук. СПб., 1913. Т. 2. Вып. 2. 616 с.
11. Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков. М.: Столица, 1991. 247 с.
12. *Левшун Л.* Концепт «Литвины» в этнокультурном сознании белорусов. Свидетельства письменных источников XIV–XVII вв. // Белоруска думка. URL: http://beldumka.belta.by/is-files/000167_347097.pdf
13. *Линд Дж.Х.* О рукописном наследии датского посольства 1578 года в Россию. Сравнительный анализ трех путевых описаний посольств Якоба Ульдельдта // Якоб Ульфелд. Путешествие в Россию. М., 2002. С. 34–41.
14. *Малыгин П.Д.* Западноевропейские авторы XV–XVII вв. о России. Материалы к библиографическому словарю. М.: ИА РАН, 2018. 192 с.
15. *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.-Л.: АН СССР, 1936. 288 с.
16. *Минцлов С.Р.* Обзор записок, дневников, воспоминаний и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Вып. 1. Новгород: Губ тип., 1911. 171 с.

17. *Михалон Литвин*. О нравах татар, литовцев и москвитян // *Иностранцы о древней Москве*. Москва XV–XVI веков. М., 1991. С. 93.
18. *Морозова К.А.* Тиран и заступник // *Родина*. № 12. 2004. С. 18–19. <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Oderborn/text1.phtml>
19. *Новый летописец* // *Временник ОИДР*. Кн. 17. М.: Универ. тип, 1853. С. 1–212.
20. *Огородников В.И.* Предисловие // *Донесение о Московии второй половины XVI века*. М., ИОИДР, 1913. С. 4–15.
21. *Описание путешествия в Москву Николая Варкоча, посла Римского императора, в 1593 г.* // *ЧОИДР*. М., 1874. Кн. 4. Отд. 3. С. 1–36.
22. *Осипов И.А.* Описание Российского государства XVI века: влияние картографических материалов на нарративные источники. Сывтывкар, 2009. 33 с. URL: http://www.vostlit.info/common/Stat/Osipov/opis_rus_gos.phtml?id=8059.
23. *Переписка пап с российскими государями в XVI в., найденная между рукописями в Римской Барбериниевой библиотеке / Пер. и коммент. И. Григоровича*. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1834. Т. 1. 116 с.
24. *Перкамота Георг*. Сообщение о России, продиктованное в 1486 году в канцелярии Сфорца московским послом Георгием Перкамотой // *Иностранцы о древней Москве*. Москва XV–XVII веков. М.: Столица, 1991. С. 9–13.
25. *Полосин И.И.* Немецкий пастор Одерборн и его памфлет об Иване Грозном (1585) // *Социально-политическая история России XVI – начала XVII в.* М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 192–193.
26. *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М.: МГУ, 1983. 276 с.
27. *Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе* // *Русский исторический журнал*. Кн. 8. 1922. С. 29–59.
28. *Путешествие в Тану Иосафата Барбаро в 1436 году* // *Сын отечества и Северный архив*, Часть 146. № 48. 1831. С. 215–216.
29. *Расмуссен К.* О книге Якоба Ульфельда “*Nodoeporicon Ruthemcum*”, Frankfurt 1608 // *Скандинавский сборник*. 23. Таллинн, 1978. С. 57–67.

30. Рассуждение о делах московских Франческо Тьеполо // Исторический архив. Т. III. М.–Л., 1940. С. 327–344. *Тьеполо Ф.* Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // Иностранцы о древней Москве. Москва XV – XVII веков. М.: Столица, 1991. С. 57–65.
31. *Рогожин Н.М.* Предисловие / Проезжая по Московии. М., 1991. С. 3–24.
32. Россия и Италия / Импер. Акад. Наук. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1913. Т. 2. Вып. 2. 466 с.
33. *Руджиери Фульвио.* Донесение Фулио Руджиери папе Римскому в 1568 году // Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков. М.: Столица, 1991. С. 76–77.
34. *Савельева Е.А.* Олаус Магнус и его История северных народов. Л.: Наука, 1983. URL: https://www.kolamap.ru/library/savelyeva_.htm
35. *Савастьянова А.А.* Предисловие / Джером Горсей. «записки» о России XVI – начало XVII в. М.: МГУ, 1991. С. 15–29.
36. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII–XVII в. – Новосибирск. Сибирское отделение Российской Академии наук. 2006. С. 78–79.
37. «Сказание» Альберта Шлихтинга / Пер. А.И. Малеина. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1934. 97 с.
38. *Соколов С.* Путешествие персидского посольства через Россию // ЧОИДР. М.: Университетская тип., 1899. Кн. 1. С. 1–20.
39. Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т.VI. Вып. 2. М.; Языки русской культуры, 2001. 240 с.
40. *Тихомиров М.Н.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVII в. Т. I. М.: Соцэкгиз, 1940. 495 с.
41. *Тургенев А.И.* Акты исторических, относящихся к России, извлеченных из иностранных архивов и библиотек. СПб.: тип. Праца, 1841. Т. 1. 926 с.
42. *Урух-бек* (Орудж-бек, Хуан Персидский) / Соколов С. Путешествие персидского посольства через Россию // ЧОИДР. М.: Университетская тип., 1899. Кн. 1. С. 1–20.
43. *Ульфельд Я.* Путешествие в Россию / Ред. Л.А. Антонова и А.Л. Хорошкевич. М.: Языки славянской культуры, 2002. 615 с.
44. *Филюшкин А.* Россия vs Европа: как они понимали друг друга в XVI веке / Филюшкин А. Первое противостояние России и Ев-

ропы. Ливонская война Ивана Грозного. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 58–66. URL: <https://books.google.ru/>

45. *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. «записки» немца опричника / Пер. И.И. Полосина. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1925. 182 с. Штаден Г. Страна и правление московитов в описании Генриха Штадена/ Пер. И.И. Полосина // Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков. М.: Столица, 1991. С. 67–76.

46. *Язькова Ю. П.* Папский престол и Московское государство // Средние века № 58. М. 1995. С. 199–205.

47. *Coen G.* Le grandi strade del commercio Internazionale, proposte dal secolo XVI. Livorno, 1888. P. 100–128, 205–208. PierlingP. La Russie et le St. Siege. Paris, 1896. Vol. 1. P. 276 sq.

48. *Contarini A.* Politico e viaggiatore nel sec. XV. Padova, 1921.

49. *Grala H.* Zu Werk und Person Albert Schlichtings // Bayern und Osteuropa. Aus der Geschichte der Beziehungen Bayerns Frunken und Schwabens mit Rusland, der Ukraine und Weisrubland. Weisbaden, 2000. S. 136–142.

50. *Grala H.* Wokol dziela i osoby Alberta Schlichtinga. (Przyczynek do dziejow propagandy antymoskiewskiej w drugiej polowie XVI w.) // Studia Zrodloznawcze XXXVIII. Warszawa: Polska Akademia nauk, Instytut Historii, 2000.

51. *Herberstein S.* Moscoviter wunderbare Historien. Basiliae, 1563; 1567.

52. *Herberstein S.* Rerum moscoviticarum commentarii. In hijs commentarijs sparsim contenta habebis, candide Lector, Russiae et, que nunc ejus metropolis est, Moscoviae brevissimam descriptionem. De religione quoque varia inserta sunt et quae nostra cum religione non conveniunt. Chorographiam denique totius imperij Moscici et vicinorum quorundam mentionem. Quis denique modus excipiendi et tractandi oratores disseritur. Itineraria quoque duo in Moscoviam sunt adjuncta. 1549.

53. *Herberstein S.* Moscovia, der Hauptstat in Reissen durch Herrn Sigmunden, Freyherrn zu Herberstain, Neyperg und Guettenhag, Obristen Erbcamrer und obristen Erbruckhsessen in Kaerntn, Roemischer zu Hungern und Behaim Khue[nig]liehen] May[estaet] etc. Ratcamrer und Presidenten der Niederosterreichischen Camer zusammen getragen. Sambt des Moscoviter gepiet und seiner anrainer beschreibung und anzaigung, in wen sy glaubens halb mit uns nitgre-

ichhellig. Wie die Pottscafften oder Gesanten durch sy emphangen und gehalten werden, sambt zwayen underschidlichen Raisen in die Mosqua. – Getruckht zu Wienn in Osterreich durch Michael Zimmermann in S. Anna Hof. 1557.

54. *Matthias de Miechow*. Tractatus de duabus Sarmatiis. 1517.

55. *Pauli Jovii Novocomensis* de Legatione Basilii Magni Principis Moscoviae ad Clementem VII liber. 1526.

56. *Rasmussen K.* Jacob Ulfeldts Rejse i Rusland 1578. Kbh., 1978. 181 s.

57. Russia at the Close of the 16th Century /Ed. by *E. A. Bond*. London, 1856. Bond, Edward, ed. Russia at the Close of the 16th Century (Of the Russe Commonwealth by Giles Fletcher and Travels of Sir Jerome Horsey). Haklyut Society Series, no. 20. New York, Burt Franklin, 1964.

58. Trattamento di pace tra il Ser. Sigismondo Re di Polonia et Gran Basilio Prencipe di Moscouia... Padoa, 1603.

59. *Tscharykow N.* Le chevalier Raphael Barberini chez le Tsar Ivan le Terrible, 1564 // Revue d'histoire diplomatique. 1904. P. 256–265.

60. Viaggi fatti da Vinetia, alla Tana, in Persia, in India et in Constantinopoli: con la descrizione particolare di Citta, Luoghi, Siti, Costumi, et della Perta del gran Turco etc. Venetiis, 1543.

61. Viaggio de misier Ambrogio C., ambassador al gran-signore Ussum-Cassan, re di Persia» Venetiis, 1488.